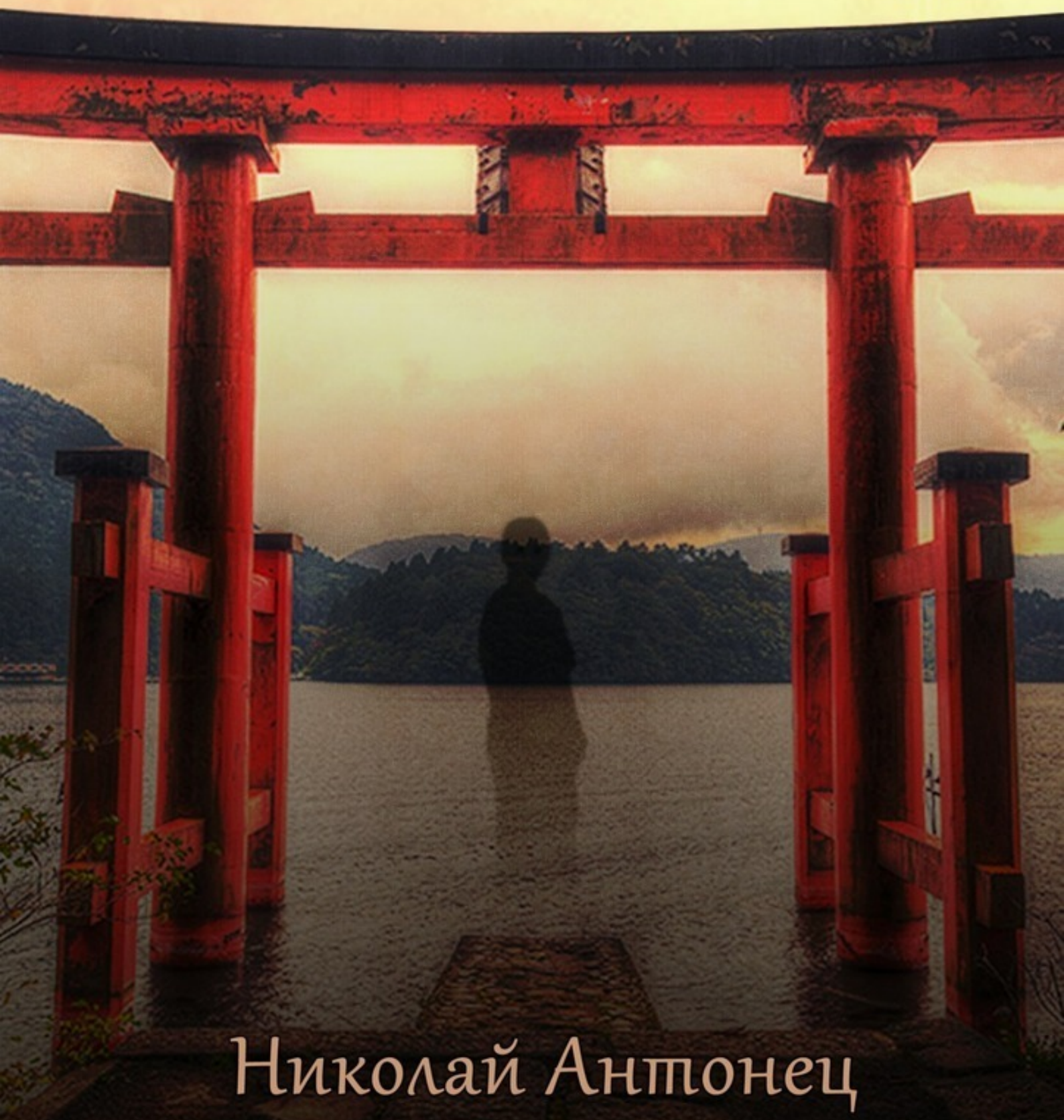

мистический триллер

ТЕМНЫЕ ВОДЫ

Николай Антонец

Николай Антоненц

Тёмные воды

«Издательские решения»

Антонец Н. А.

Тёмные воды / Н. А. Антонец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853385-3

Проезжая по опасной горной трассе, небольшая семья из матери-одиночки, двух её дочерей и племянника попадает в самую гущу ночного шторма. Машина теряет управление и вылетает с трассы в бурную реку. Бушующий поток тащит по мелководью к заброшенной старой деревне, окружённой вековыми скалами... Что же ожидает героев в этом забытом богами месте? И какие тайны скрывают окружающие его тёмные воды?.. Ответ может дать только память проклятого поселения и его ненависть, прошедшие сквозь десятилетия.

ISBN 978-5-44-853385-3

© Антонец Н. А.
© Издательские решения

Тёмные воды

Николай Антонец

Редактор Лидия Антонец

© Николай Антонец, 2017

ISBN 978-5-4485-3385-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ливень бился в лобовое стекло автомобиля неистовым, диким зверем. Его холодные, бесформенные в ночном мраке крылья хлестали по тонкой преграде прямо напротив моего лица, ежесекундно грозясь прорваться сквозь неё и заполнить собою салон, тускло освещённый огнями приборной панели.

Поёжившись, я ещё сильнее вжался в пассажирское сиденье и впервые пожалел о решении сесть спереди – весь мир отсюда казался сплошной разверзнутой пастью древнего мифического чудовища, исходящего слюной от голода и утробно рычащего в предвкушении сытной трапезы. И, похоже, подобные ассоциации тревожили не одного меня: тётя Мэй, нервно сжимающая руль, едва заметно дрожала от напряжения и страха. Взгляд её чёрных, как смоль, глаз был устремлён в одну точку где-то по ту сторону лобового стекла, и я готов был поклясться, что никогда прежде ещё не видел тётю такой сосредоточенной.

Внезапно ночь вокруг нас вспыхнула белизной: кривой, безумный росчерк молнии, похожий на разрыв самого воздуха, мгновенно соединил небо с возвышающимся по правую руку высоким холмом. Подаренной свыше вспышки света было достаточно, чтобы разглядеть изгиб узкой горной дороги на много метров вперёд – но картина эта вымылась из памяти почти моментально, стоило только раскатиться под небесами ужасному рокоту грома. Вдарив почти без разрыва с молнией, тот, казалось, заставил содрогнуться всю гористую местность вокруг нас, и машина тёти тут же вильнула в сторону по скользкой чёрной дороге. Меня увлекло вправо – ремень безопасности напрягся, сдерживая давление – но почти сразу же толкнуло обратно на место: женщина справилась с управлением и вовремя вернула машину на нужную полосу.

Тут молния искромсала небосвод вновь, и, утопая в мощном громовом раскате, из-за спины моей донеслись едва заметные плаксивые перешёптывания. Там, сжавшись в трясущийся комочек, стянутый одним ремнём безопасности, сидели дочери-близняшки тёти Мэй – Акеми и Акира, прямые наследницы фамилии Ямато и просто чудесные девочки девяти или десяти лет – наверняка вспомнить их возраст я не мог. Они были единственной радостью, что осталась моей тётушке от покойного мужа – в остальном его наследство ограничивалось безмерными долгами и проблемы. Одна из таковых и закончилась нашим нынешним побегом сквозь ночь и страшную бурю, под сенью которой не всякий решится даже показаться на улице. Не говоря уж о том, чтобы выехать в чёрную бездну посреди ночи и умчаться в сторону одной из близлежащих деревень по обманчивому полотну горной дороги...

Нервно сглотнув – к счастью, звук этот утонул в грохоте хлещущего со всех сторон ливня – я осторожно обернулся через плечо и, выглянув из-за сиденья, попробовал улыбнуться парализованным от страха близнецам. Те впились в меня безумными взглядами – совершенно одинаковыми, столь же неотличимыми, какими мне казались и сами их обладательницы – и как по команде принялись тараторить что-то бессвязное и малопонятное.

– Всё будет хорошо, – произнёс я, понимая, что придавленный страхом голос не пробьётся сквозь шумовой заслон ливня. – Мы скоро приедем... Только не бойтесь, ладно?..

Крохотные угольки глаз, взиравшие на меня с неподдельным интересом и страхом, заблестели от слёз. И пусть я был вдвое старше сидящих позади девочек – но всё равно не смог удержаться от схожих чувств: в глазах появилась неприятная резь, а сердце в груди зашло ещё сильнее.

– Это всего лишь гроза, – добавил я чуть громче, намереваясь успокоить хотя бы самого себя, и тут же вернулся на место, застигнутый врасплох очередным крутым манёвром тётки. Это был уже... который? Пятый резкий уход в сторону? Или шестой? Я сбился со счёта после третьего – того, что был после удара молнии – однако не мог не заметить, что тётка Мэй начала терять контроль над автомобилем всё чаще.

Я вновь осторожно покосился на неё – сухощавую, хрупкую девушку тридцати с небольшим лет, намертво вцепившуюся в руль побелевшими от натуги тонкими пальцами. Обычно она выглядела младше своего возраста, но здесь и сейчас, в объятьях непогоды посреди неизвестности, справа от меня, казалось, восседала глубокая старуха, бледная и слабая, как умирающее сухое деревце. Её глаза воспалились, а губы были искусаны чуть ли не в кровь...

– Тётка, – негромко позвал я, надеясь хоть ненадолго отвлечь девушку от сводящих с ума мыслей. – Тётка Мэй?..

– Нельзя разговаривать с человеком за рулём! – неуверенно прикрикнула на меня одна из девочек с заднего сиденья.

– Да! – тут же поддержала вторая. – Не надо так!

– В-всё нормально, – откликнулась Ямато Мэй, и с её лица мгновенно сползла та устрашающая маска смертной напряжённости. – Что такое, Юичи?..

Тётка Мэй не смотрела в мою сторону – и это можно было понять – но в её обострившемся, тяжёлом внимании я вдруг ощутил нотки страшной безысходности: женщина ответила мне лишь потому, что сама не верила в наши шансы, расписалась в собственном бессилии. И совершенно ненужный вопрос сам собой появился у меня на языке:

– А они... Они нас убьют? Если догонят...

Мой голос утонул в очередном раскате грома, и мир как будто бы перевернулся: чёрное смешалось с белым, верх стал низом, а вода начала бить в стекло ещё сильнее, будто бы обратившись в смертоносную каменную шрапнель. Сшив небо и землю воедино сверкающей белой нитью – кривой, разорванной на множество мелких веточек – ослепительно яркая молния впиалась в одно из деревьев справа от утопающей в дождевой воде дороги. Кошмарный треск и слепящая вспышка света заставили всех нас застыть в ужасе... А тётка Мэй, точно в состоянии тяжёлого полусна, зажмурила отяжелевшие веки – для неё ночь вдруг стала слишком яркой...

Я не успел даже вскрикнуть, когда машина, издав пронзительный визг, вдруг вильнула вправо, к противоположной стороне трассы, потом резко рванула обратно – и на полной скорости влетела в ленту дорожного ограждения. Удар показался мне едва заметным – ремень безопасности амортизировал основную нагрузку – но облегчение молниеносно сменилось абсолютным отчаянием: наше авто не уткнулось в металлическую ограду, нет – оно пробило её, точно лист бумаги, и вылетело с дороги в сторону отвесного горного склона. Запоздало, вразнобой сработали подушки безопасности: одна из них оттолкнула тётину голову от руля, а вторая на мгновение закрыла всё моё лицо, оборвав испуганный вздох и перекрыв обзор.

Впрочем, в зрении уже не было необходимости: внутренности мои тут же подпрыгнули к самому горлу, и я почувствовал, как увлекает меня вниз, за собой, внушительная масса металлической колёсной клетки.

Я инстинктивно сгруппировался, воспользовавшись резким размягчением подушки безопасности, и вжал голову в плечи, ожидая удара. Но полёт всё продолжался и продолжался,

а откуда-то извне моего мирка, на грани слышимости и восприятия, раздался далёкий голос тёти Мэй:

– Дети, держитесь за ремни!..

Тётя не успела договорить – корпус авто с грохотом приземлился на одно колесо, и, встряхнув нас, точно пушинки на ветру, отпрыгнул ещё ниже во мрак. Свет фар выхватил впереди заросли каких-то тонких деревьев – за миг до того, как мы снесли их на полной скорости – и рассеялся по вольным струям дождя и мечущимся вокруг кускам каменистой почвы.

Оглушительный скрежет затмил собой даже шум сердитого ливня, нагнав на меня истошный ужас предвкушения: подтянув колени к груди, я только и ждал, когда же, наконец, днище машины останется где-то позади, а нас швырнёт об землю силой инерции... И последним, что я услышу в своей жизни, станет хруст костей и навязчивый шелест воды, спускающейся по камням вековой скалы.

Близняшки закричали одновременно, в один голос, и тётя Мэй тут же прикрикнула на них, опасаясь, что в безумной тряске девочки могут запросто прикусить язык. Вперёд вдова уже не смотрела – её ладони, до сих пор покоящиеся на руле, тряслись и елозили из стороны в сторону без какой-либо чёткой программы.

Авто тряслось и подпрыгивало на каждом встречном бульжнике, но с бешеной скоростью продолжало катиться вперёд под пугающим, почти отвесным углом. Несколько раз нас чуть подбрасывало вверх на особенно заметных препятствиях, и одно из них, судя по звукам, стоило машине заднего колеса. Вся конструкция тут же заметно просела к левой стороне, и скорость движения как будто бы начала падать... Я даже успел впустить в горящие от напряжения лёгкие крохотный глоток воздуха, когда ставший частью обыденной действительности хруст вдруг растворился в мерном шорохе дождя – и вокруг сразу стало слишком много непроглядной, глухой черноты.

– О нет, – глухо выдохнула Ямато Мэй, и один только тон её заставил мгновенно угомониться плачущих девочек на заднем сиденье, а в меня вселил ощущение тяжёлого отчаяния.

Безразличная, отливающая языком сине-белого пламени молния прочертила небо прямо над нашими головами, и в этом миге абсолютной белизны я разглядел шипящую бездну, раскинувшуюся прямо под нами.

Горная река. Бурный, необузданный поток, втиснувшийся меж телами громадных скал, принял нашу машину с недовольным рокотом, одарив целым каскадом брызг и пронизывающим до костей, почти потусторонним холодом. Удар, к счастью, не показался мне особенно сильным – после пережитой тряски сложно было воспринимать его всерьёз – чего нельзя было сказать о дальнейшем повороте событий: не продержавшись на месте и секунды, автомобиль вдруг торопливо покатился вперёд и вбок, увлекаемый водяным потоком, и я вдруг с ужасом осознал истинную силу беснующегося ливня. Нас несло вниз по течению – всю металлическую махину транспорта с его пассажирами – и от колёс, что тащились сейчас по каменистому дну, не зависело уже вообще ничего.

Свет фар, моргнув, погас. Мы оказались в плещущейся и страшной темноте.

– Девочки! – неожиданно скомандовала тётя Мэй дрожащим, но всё ещё сильным голосом. – Переберитесь на левую сторону! Как можно ближе к двери!

Я автоматически посмотрел в том направлении. И задохнулся от изумления: с той стороны, где находилось оторванное колесо, багажник нашего седана начал уходить вверх. Пока что этот перекосяк не был особенно заметен, но тётя Мэй, очевидно, молниеносно оценила ситуацию. И решила, что меньше всего нам сейчас может помочь переворот с ног на голову, устроенный могучим движением реки.

– И ты! – тётя вцепилась в моё плечо, возвращая к суровой реальности. – Попробуй отодвинуться дальше! Быстро, всей массой прижмитесь к левой половине, все трое!

– Мам, здесь везде вода!.. – слабо отозвалась одна из девочек, не находя в себе сил даже на слёзы. – Вода под ногами!.. Мы утонем?..

– Не болтай – делай! – приказала Мэй, неотрывно глядя перед собой. В её голове, наверное, строились сейчас целые стратегии выживания... Во всяком случае, я очень хотел на это надеяться, и потому со всем возможным тщанием перенёс вес своего тела на левую сторону. Девочки тоже послушались незамедлительно: выбрались из-под своего ремня безопасности и перебрались под тот, что находился за моей спиной.

Частые волны тут же начали заявлять о себе, забились в глухо задраенное стекло – и под ногами моими захлюпало ещё сильнее, чем прежде. Авто, что до недавнего времени казалось нерушимой крепостью среди жестокого ливня, вдруг оказалось обычным железным склепом, постепенно наполняющимся водой.

– Юичи! – негромко, но агрессивно окликнула меня Ямато Мэй. Её взгляд то и дело проносился по моему лицу, точно удары плети, и одно только это странное внимание заставило волосы на моей голове зашевелиться.

Изобразив внимание – насколько это вообще было возможно в окружающей обстановке – я повернулся к тётке Мэй, и тут же ужаснулся тому безумному блеску, что захватил чёрные колодцы её глаз.

– Юичи, скажи... – женщина метнула тяжёлый взор назад, убедившись, что девочки нас не слышат. – Я сошла с ума?

– Что?..

– Там, на дороге. Ты видел их?

– Видел... кого?.. – мой голос прозвучал сдавленно и хрипло. Он почти утонул в плеске подступающей воды, не оставив о себе даже памяти.

– Когда ударила молния... мне показалось, что там, впереди, кто-то стоял... Две девочки в белом. С длинными чёрными волосами, – Ямато Мэй буквально рубила воздух быстрыми, чёткими фразами. – Они были там. Прямо на пути стояли! Ты же видел?!

Тётя, позабыв о рулевом колесе, подвинулась ко мне и повторила свой вопрос шипящим, тяжёлым шёпотом. И я, отшатнувшись, смог только покачать головой в ответ. Медленно и очень осторожно.

Мой взгляд тогда был прикован к месту удара молнии – в сотне-другой метров от нашей машины, впереди – и я готов был поклясться, что на залитой дождём дороге не было никого и ничего, что могло бы заставить водителя увести машину вправо.

Ямато Мэй негромко выругалась и зло, проклиная задний привод нашего авто, принялась стучать ладонями по рулю и приборной панели. Её, похоже, моя реакция не просто обезорижила, но оставила в абсолютной прострации.

Некоторое время – может, минуту, а может, и целый час – мы сплавлялись по реке в крошечной темноте и тишине, собирая на пути выступающие камни, вертясь по воле мощного потока и постепенно теряя последние крупницы надежды. Но если поначалу казалось, что этому движению рано или поздно настанет конец, то теперь, спустя целую вечность в объятиях чёрной воды под давлением безразличного ливня... я уже не мог быть ни в чём уверенным.

Осознание холода пришло с некоторым опозданием: в тот момент, когда я вдруг обнаружил, насколько же ледяной была просачивающаяся в салон речная вода, тело моё уже продрогло до нитки. В тщетных попытках согреться я поднёс ладони ко рту и начал часто-часто дышать на них, потом, не забывая клониться влево, с силой потёр свои плечи... И тут меня вдруг швырнуло вперёд и вправо, к приборной панели авто. Ремень безопасности напрягся от натуги, врезаясь в ткань простой белой рубашки, и в лёгких разом перестало хватать живительного воздуха.

Из-за спины моей раздался нескладный вскрик близняшек – они, замёрзшие и перепуганные, явно не ожидали такого резкого удара. Без движения осталась только тётя Мэй – её окаменевшие руки и ноги даже не дрогнули, когда по машине прошла ощутимая вибрация.

– Что это было?.. – негромко поинтересовалась одна из близняшек – я до сих пор не научился их различать – и ухватилась за водительское сиденье.

– Да, мама, что?.. – тут же поддержала её сестра.

– Тихо! – Ямато Мэй требовательно подняла указательный палец, призывая нас всех к молчанию. – Вы... Вы все это чувствуете?.. Движение прекратилось... как будто бы...

Я был бы рад помочь тёте ответом, но тело моё давно перестало ощущать хоть что-нибудь помимо ледящего холода. Да и проговорить хоть слово сквозь стучащие зубы было сейчас выше моих сил.

Не дождавшись подтверждения своей догадки, женщина дёрганными движениями распахнула бардачок и выудила оттуда небольшой походный фонарик. Это удалось ей не сразу – первые три попытки закончились падением в воду под самым рулевым колесом каких-то документов, небольшой кожаной сумочки и чего-то ещё неопределённого – но явно увесистого. Возможно, небольшого дамского пистолета?.. Не знаю. И не берусь теряться в догадках.

Заполучив, наконец, искомый фонарь, тётя Мэй включила его – вновь не с первой попытки – и прижалась к боковому окошку, водя ручным конусом света из стороны в сторону. Ей с трудом удавалось сдерживаться от паники – и на одном только этом стальном самообладании молодой женщины сейчас держалась вся атмосфера нашего импровизированного судна.

– Да, – проговорила Ямато-старшая без особой уверенности. – Да, нас прибило к берегу... Не знаю – надолго ли, и... наверное...

На мгновение тётя потерялась в собственных мыслях, но раздавшийся вдали раскат грома моментально вернул её в сознание и буквально вытолкнул из тисков прежнего страха. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов – что в промозглом холоде далось ей с трудом – женщина резко повернулась к нам с девочками и заговорила с поистине стальной твёрдостью:

– Мы застряли на мелководе. Сложно сказать, сколько это продлится – вода всё пребывает и каждая секунда на счету. Поэтому я спрошу прямо – вы можете идти?

– В такую грозу?.. – слабо просипела та из девочек, что сидела ближе к окну.

– Я не знаю, что это за река! – ответила тётя Мэй с излишней, пожалуй, твёрдостью. – Не знаю, куда она течёт и в какой водоём впадает. А значит, мы можем плыть по ней до самого утра, пока не замёрзнем до смерти, и не встретим ни одного ориентира...

– А можем заблудиться в этом дожде! – попробовал высказаться я, откровенно опасаясь перспективы блуждания в темноте под пронизывающими ветрами.

– Можем! – женщина огрызнулась, не скрывая собственного бессилия. – Но так у нас хотя бы будет шанс – шанс найти укрытие от этой... проклятой воды! Шанс развести огонь, высушить вещи! Я несу ответственность за вас! И не позволю, чтобы всё это... закончилось... вот так.

Голос тёти Мэй начал быстро затихать. Видно было, что женщину от слёз отделял лишь крохотный, едва заметный отрезок времени – и мне вдруг тоже захотелось разрыдаться от собственной слабости и предвкушения приближающейся гибели.

Казалось, мы уткнулись в тупик, потеряли все силы. Приготовились к худшему... Как вдруг с заднего сиденья раздалась почти синхронные щелчки, и близнецы в один голос, наперебой друг другу, заговорили:

– Мы сильные, мам!

– Мы дойдём!

– Тут холодно и страшно!

– Нужно уйти от реки!

– Всё получится, только верь в себя!

Я опешил от такого потока слов, и с ужасом – куда большим, чем прежде – начал понимать, что мы, скорее всего, всерьёз сейчас выйдем на улицу, прямо в этот страшный, холодный мир из дождя и мрака, под взгляды тяжёлых туч и обжигающие удары молний! Нет... я не был к готов к такому... и вряд ли хоть когда-нибудь смог бы собраться с силами, чтобы бросить вызов самой природе!

К несчастью, я не успел даже открыть рот, когда тётя Мэй дрожащими руками отстегнула себя от сиденья и решительно толкнула наружу дверцу машины. В её руках я успел заметить чёрный силуэт закрытого зонта – ещё одной полезной вещи из бардачка – но всего мгновение спустя, раскрывшись бутоном чёрного матового цветка, тот вырвался из тётиных пальцев и растворился в темноте.

Ямато Мэй выругалась, но голос её утонул в рёве беспощадного ливня.

Позабыв о холоде, плещущейся у самых ног воде и крошечной темноте салона, я покрепче вжался в кресло и принялся молить богов, чтобы весь этот кошмар поскорее закончился, чтобы я открыл глаза в своей небольшой комнатке и поёжился от ночных кошмаров, удаляющихся вслед за тяжёлым покрывалом ночи...

– Юичи! – оклик тётки Мэй застиг меня врасплох. – Возьми себя в руки и двигайся сюда! Медленно! Все выходим с моей стороны!

Я быстро обернулся к девочкам, надеясь обнаружить в их личиках хоть какую-нибудь поддержку – но те, явно вдохновившись собственными позывами, уже избавились от намокшего ремня безопасности и теперь осторожно ползли к противоположной стороне салона.

Ну да. Конечно. Выбора у меня не оставалось: из-за одной безумной идеи, принятой в состоянии крайнего стресса, мы все обязаны были отправиться на верную смерть... В самую пучину этого безрадостного вертикального моря со всеми его бесчисленными потоками, секущими лезвиями течений и пронизывающим до костей холодом.

Подбадривая себя этой новообретённой яростью, я потянулся к креплению ремня безопасности, но не смог совладать с ним ни с первой попытки, ни даже с десятой – действие, в иной раз бы не занявшее у меня и секунды, теперь растягивалось во времени до неопределённой отметки. Дрожащие ладони то и дело соскальзывали с гладкой коробочки, наполовину скрывшейся под водой, а чувствительность пальцев покинула меня уже довольно давно, наделив полнейшей тактильной слепотой.

– Ну же! – вновь прикрикнула Ямато Мэй, заглянув в салон. Её взгляд – уже привыкший к полумраку – изучал меня не больше мгновения. Резкий рывок – и женщина уже была рядом, с опасным блеском в красивых глазах и стянувшимися в тонкую белую нитку губами.

Отшвырнув прочь мои трясущиеся руки, вдова быстро нащупала нужную кнопку у самого основания сиденья – и вдавила её что есть силы. Издав жалобный шлепок, металлическая пряжка ремня выскользнула из крепления и, подчиняясь воле сматывающего механизма, заскользила по моей груди.

В следующий же миг тётя Мэй схватила меня за воротник и потянула за собой. Наружу.

Дождь бушевал ещё яростней и страшнее, чем представлялось изнутри машины: он был повсюду, занимал собой окружающую действительность целиком, не оставляя простора для воображения. В нём, казалось, можно было запросто утонуть, стоило только сделать неосторожный вдох...

Подхватив близнецов под правую руку, а меня придерживая за рукав рубашки левой, Ямато Мэй с завидной уверенностью поспешила прочь от увязшей на мелководе машины – расплывчатый силуэт последней растворился в ночи быстрее, чем мы успели сделать десяток шагов – и вскоре вывела нас к заросшему высокой травой каменистому берегу. Размытый и скользкий, он чувствовался под ногами куда явственнее, чем хлюпающие насаждения прибрежного ила, и, казалось, поставил себе целью во что бы то ни стало опрокинуть наше семейство обратно в воду: крохотные камешки постоянно выскальзывали из под ног, лишая равно-

весия, а в самых неподходящих местах поджидали острые грани особенно крупных и тяжёлых булыжников. Я разбил ногу в кровь об один из таких – удар прошёл сквозь плотный материал ботинка и отразился в окоченевших пальцах настоящим взрывом боли, после чего хлопнуть в носке стало значительно сильнее и агрессивнее.

Это была западня. Чёрная ловушка для нас с девочками: проклятый ливень буквально давил нас к земле, прижимал неподъёмным грузом, заставляя передвигать ноги по неровным камням, забредать в заросли густого кустарника и собирать каждую попадающуюся на пути лужу.

Заслоняя лицо свободной рукой, я продолжал размеренное движение в темноту. Природа уже вытянула большую часть моих сил, и того, что осталось у меня в резерве, хватало только на сбитую последовательность шагов без чёткой цели и смысла.

Сложно сказать, шли мы по берегу, или же давно вышли на какую-нибудь дорогу – шум дождя заглушал даже грохот реки, а свет фонаря терялся всего в паре метров от нашей угрюмой процессии, не позволяя разглядеть ничего, кроме темноты и каменистой почвы, тут и там раскрашенной прогалинами примятой зелени.

Тётя Мэй слегка встряхнула меня, притягивая к себе, и склонилась почти над самым моим ухом.

– Ты видел?.. – твёрдым шёпотом поинтересовалась она, усиливая хватку. Видел?..

На ум сразу пришёл тот странный вопрос, что задала вдова ещё в машине – про якобы преградивших нам путь девочек в белом – и я уже готов был вновь дать отрицательный ответ, как женщина вдруг продолжила, уже чуть громче и спокойнее:

– Вон, впереди... Чуть правее и выше. Посмотри же!..

Испытывая смешанные чувства – нечто среднее между надеждой и явным сомнением – я покорно устремил взор в указанном направлении. Пришлось очень сильно прищуриться, чтобы уберечь глаза от вездесущей влаги, и даже выставить ладонь козырьком у лба... чтобы... не увидеть ничего необычного. Только темноту – такую же, как и повсюду вокруг.

Я так и знал... Тётя Мэй действительно сошла с ума. Стресс столкнул телегу её разума с рельсов, и мы с близнецами теперь покорно следовали за безумной вдовой, решившейся...

– Вот, снова! – возглас Ямато Мэй заставил меня содрогнуться от макушки до пят. – Посмотрите все! Там точно мерцает свет! Электрическое освещение! Или...

Я продолжал сомневаться в словах тёти. Не стал даже голову поворачивать в ту сторону – просто продолжил смотреть под ноги... и неожиданно для самого себя обнаружил там осязательную перемену: на месте разномастного ковра из камней теперь виднелось побитое, но ровное полотно асфальтовой дороги. Сбитые до потери чувствительности ноги уже не чувствовали этой разницы, но слабые отклики надежды, ещё бьющиеся в груди, мгновенно отреагировали на удивительное открытие. И, желая укрепиться в своих догадках, я поднял взгляд туда, где сквозь черноту и ливень действительно виднелся едва заметный жёлтый огонёк. Он казался чем-то диким и нереальным посреди этого кошмара... Лучом надежды. Далёким, спасительным маяком...

Молния сверкнула где-то далеко позади нас, но даже мгновенной вспышки этого света было достаточно, чтобы разглядеть угловатые силуэты построек, окружившие нас со всех сторон. Тётя Мэй замедлила шаг, поразившись их близости, и невольно устремила луч фонаря не под ноги, а по сторонам.

Позабыв о дожде и мраке, мы четверо издали слитный вздох изумления: прямо перед нами распахнул свою пасть въезд в заброшенную одноэтажную деревушку, словно бы выплюнутую прочь исполинским морским чудовищем. Неприглядные бетонные домики с выбитыми стёклами, перемежающиеся ветхими деревянными постройками, торговые автоматы неопределённого возраста и проржавевшие насквозь металлические вывески – они смотрели со всех сторон, сливаясь в одну сплошную нескладную картину. Кое-где над застройкой возвышались

бревенчатые дома, возведённые на каменном основании – но они терялись за пределами главной улицы и казались недостижимыми для света, исходяемого слабеньким фонарём.

Дождь к этому моменту начал идти на убыль, и мы с тётёй Мэй могли безбоязненно озираться по сторонам с открытыми от удивления ртами – в то время как близнецы всё крепче начали вжиматься в бока замедлившей шаг матери. Одна из девочек попробовала было потянуться ко мне за защитой – но вдова моментально одёрнула дочь и подтянула её к себе. Как будто бы сочла мою компанию недостаточно надёжной...

Впрочем, подсознательная обида моя не продлилась долго – слишком велико было потрясение от найденной деревни и слишком силён глубокий, идущий из самых глубин памяти первобытный страх. В голове мгновенно всплыли все детские страшилки, связанные с заброшенными местами вроде этого, городские легенды и просто оброненные кем-то вскользь замечания о гнетущей тяжести подобного антуража. И... на миг мне действительно начало казаться, что окружающий мрак скрывает намного больше, чем представлялось на первый взгляд.

– Неприятное место, – произнесла Ямато Мэй, словно бы считав эти слова из моей головы. – Неужели кто-то ещё живёт здесь...

Поддавшись порыву, я быстро поднял взгляд к вершине залитого тьмой холма – туда, где мерцали неровными огнями прямоугольники пустых окон. На этот раз желтоватых пятен там стало как будто бы больше, и вместо одного слабого язычка свечи можно было разглядеть не меньше полудюжины источников света.

Действительно, неужто кто-то ещё мог оставаться здесь, в этом царстве безвременья и мрака... Совсем один. В заброшенном доме на краю пустого посёлка.

Луч тётиного фонаря неуклюже мотнулся вправо и случайно зацепил край громоздкой железной вывески. Замедлив шаг, Ямато Мэй привлекла моё внимание к находке и осветила её целиком – белесая световая клякса легла на плоскую поверхность рекламного щита автозаправки, на котором до сих пор сохранились небольшие пластиковые пластинки с цифрами и сильно подпорченные ржавчиной слова, некогда представлявшие название малоизвестного топливного бренда.

– Заправка, – Ямато Мэй просто констатировала факт, не сводя взгляда с накренившегося назад козырька: тот был почти полностью развален погодой и временем. – Интересно, сколько лет этой деревне... И когда... с ней произошло всё это...

– Вряд ли в ближайшие годы, – отозвался я, надеясь просто разорвать накинувшуюся со всех сторон тишину. – Иначе в новостях бы сообщили...

– Вряд ли счёт идёт на годы, – женщина склонила голову, чтобы струящиеся по лицу капли дождя не попадали в рот. – Скорее – на десятилетия...

Мы продолжили движение в мрачном молчании. И только фонарь вдовы, что шла справа от меня, всё метался из стороны в сторону по краям дороги, будто бы преследуя тщетное намерение выдернуть из темноты гладкое крыло какого-нибудь рабочего автомобиля, который мог бы сыграть роль железного спасителя из этих недружелюбных мест. Но залитая водой полоса асфальта была пуста. Искалеченная дождями и снегом, пробитая во многих местах порослью травы и кажущаяся скорее лесной тропинкой, нежели полноценной проезжей частью, она прерывалась лишь выпавшими из гнёзд металлическими трубами фонарей и прогнившими насквозь флагштоками, беспорядочно разбросанными вокруг. Самих флагов, конечно, давно уже не было – о них позаботилась суровая природа – но тут и там ещё бросались в глаза остатки былых уюта и гордости: крепления для деревянных носителей, вмонтированные в камень некоторых построек; тянущиеся от крыши к крыше нити прочных тросов и даже нетронутые временем каменные фонари, некогда освещавшие улочки этого загадочного места.

Вскоре главная дорога, которой мы шли, начала заворачивать вправо, и на место классической застройки пришли полупустые пространства парковой зоны – заросшие до неузнаваемости, эти участки земли выдавали свою первоначальную роль лишь полуразрушенными

резными оградами из дерева, покосившимися скамьями и единственной теряющейся в траве небольшой статуей. Чуть дальше, почти у самой границы непроглядного мрака, можно было разглядеть очертания детской игровой площадки, но в нынешних обстоятельствах проржавевшие насквозь трубы качелей и покосившаяся карусель выглядели скорее зловеще, нежели жизнерадостно.

Поёжившись, я невольно ускорил шаг и тут же получил недовольный оклик тёти. Та, наоборот, с каждым пройденным десятком метров шла всё медленнее, и созданный мною разрыв в дистанции затянулся ещё очень не скоро.

Пройдя по широкой дуге вдоль парка и приткнувшись к нему торгового ряда – где некогда продавали мороженое, дынные булочки и другие сласти на радость местным жителям – мы вскоре уткнулись в очередной поворот. На этот раз дорога уходила влево – достаточно резко, чтобы создать иллюзию тупика в ночной темноте. Извернувшись чёрным блестящим змеем, она тянулась вверх по насыпному склону холма и терялась в темноте над нашими головами.

– Почти пришли, – без особой уверенности проговорила тётя Мэй, окинув взглядом оставшуюся позади громаду деревни. – Осталось только подняться...

Конечно же, она говорила о том загадочном доме, в окнах которого виднелся неяркий свет, но уже тут, у самого подножия холма, с этой проклятой пустой дорогой впереди и гнетущей, мёртвой тишиной вокруг – я успел всерьёз пожалеть о принятом ею решении. Кто знает, кто мог ещё населять эти унылые места... Скрывающиеся от облав преступники?... Бродяги, возомнившие себя хозяевами местных земель?... Или, может, какие-нибудь старички – ну точно сказочные колдуны – что поджидают в своём уютном доме потерявшихся гостей, чтобы всласть попировать на их косточках?!

– Тётя, – слабо просипел я, не решаясь повысить голос. Бессмысленность допущенных догадок была понятна и мне самому, но страх, единожды поселившийся в сердце, уже не желал покидать приглянувшееся пространство. – Тётя Мэй?..

– Я сотню раз просила не называть меня так! – огрызнулась женщина из последних сил. – Просто Мэй. Или никак!

Съёжившись ещё сильнее, я уже не смог заговорить вновь. Так и поплёлся дальше по скользкому асфальтовому серпантину, теряясь в догадках и домыслах. Где-то в стороне, будто бы насмехаясь, гаркнула какая-то птица, похоже, переживающая ливень под крышей полуразрушенного дома – её грубый вопль заставил меня стиснуть кулаки от ужаса, и путь наверх вдруг показался ещё длиннее и страшней, чем прежде.

Подъём петлял из стороны в сторону, забираясь всё выше, но с каждым заворотом отрезки его становились всё короче и короче – пока не пропали вовсе, сменившись огромным полупустым пространством, похожим одновременно на стоянку из серых бетонных плит и ухоженную площадь для проведения каких-то торжеств и ритуалов. Узкая и длинная, эта тёмная лента уходила далеко вперёд, теряясь во мраке, и казалась чем-то вроде огороженной с обеих сторон рукотворной реки. По правую руку от неё возвышался массив гостиничного комплекса – или чего-то в этом роде, достаточно крупного, чтобы вмещать целую массу людей, но в то же время представительного и очевидно важного для всей остальной деревни.

Вот только... Света в окнах этого здания-гиганта видно не было. Одинаково чёрные и слепые, оконные проёмы даже не казались застеклёнными – они словно бы уходили в ту же ночь, из которой мы только что пришли. В бесцветную, мокрую пустоту, из которой просто не было верного пути.

– Проклятье! – Ямато Мэй растерянно огляделась. – Нам ведь не могло показаться!..

– Может, нас заметили изнутри, – подсказал я срывающимся голосом. – И погасили свет, чтобы не привлекать внимание?... Наверное, гостей тут не видели уже очень давно...

– Мам, а это гостиница? – вдруг спросила одна из близняшек, с надеждой взирающая на внушительный двухэтажный комплекс.

– Там есть ванная?.. – поддержала сестру вторая, придвигаясь ближе к матери. – И кухня?.. Нам дадут поесть?..

Мрачный взгляд Ямато-старшей, подкреплённый лучом слабого фонаря, прошёлся по стенам загадочного сооружения и устремился вдоль белой бетонной ленты, которая, похоже, заканчивалась отдалённым подобием крупного каменного колодца.

– Нет, – произнесла тётя Мэй с тяжестью в голосе. – Нет, это не гостиница... Больше похоже на особняк местной знати.

– И нас не пустят внутрь?.. – девочки в один голос зашмыгали, готовые расплакаться в любой момент. – И не дадут отогреться?..

– Не знаю, – в тёмных глазах Ямато Мэй блеснул неподдельный страх. – Я... девочки, я... просто не знаю...

Повисла странная, осклизлая тишина. Неприятная настолько, что терпеть её было куда сложнее, чем бороться с собственным страхом. И, не выдержав, я на негнущихся ногах поплёлся ко входу в особняк – внушительному шестистороннему порталу, украшенному колоннами, резными фонарями из тёмного металла и роскошным красным деревом, которое, впрочем, казалось в тусклом конусе нашего света совершенно блеклым и неказистым.

– Юичи! Ты что себе... Немедленно вернись! – прикрикнула мне вдогонку Мэй, одновременно сердясь на моё безрассудство и превознося меня за него. Это была замаскированная похвала – пусть и в столь странной форме – ведь у самой женщины уже не оставалось сил на принятие подобного решения.

В десяток широких шагов я подлетел к лестнице на веранду и юркнул под тёмный козырёк, нависающий сверху нёбом огромной звериной челюсти. И только тогда, хотя бы на мгновение освободившись от липких щупалец назойливого ливня, я понял, как же много тот занимал места в моём мире и как связывал по рукам и ногам, заставляя экономить каждое движение... Тут, под небольшой, но надёжной крышей, мир вокруг меня вновь начал оживать – и пусть он по-прежнему был холоден и пуст, но в нём хотя бы можно было вдохнуть свободно, не боясь наглотаться тяжёлой дождевой воды.

Я помедлил, надеясь отдышаться, и осторожно подошёл к двустворчатой входной двери здания – произведению настоящего искусника, мастера своего дела – и замер перед ней, зачарованный витиеватостью рельефного узора.

Дверного звонка видно не было – его роль исполнял увесистый молоточек на мощном кольце, упирающийся в изукрашенную металлическую пластину. На первый взгляд, они почти не были тронуты ржавчиной – сказывалось размещение особняка на вершине крутого холма – однако, стоило мне только оттянуть молоточек на себя, как тот с омерзительным скрипом сорвался с родного места и, выскользнув из моих мокрых пальцев, с грохотом обрушился на пол. В паре сантиметров от моего правого ботинка...

Сколько же лет этот механизм провёл в бездействии – и под властью каких сил?.. – если крепления его не схватились ржавчиной намертво, а оказались почти полностью разрушенными изнутри?.. Хватило небольшого усилия, чтобы мощные шарниры развалились в пыль, обрушивая вниз тяжесть всей массивной конструкции. И... странно, что сам молоток – со всей его ажурной оправой, с тяжёлой пластинкой внизу и целым набором мелких деталей вдруг оказался цел.

– Юичи?! – с заметным, очевидным опозданием воскликнула Ямато Мэй. Она до сих пор не решалась подойти ближе, хотя дочери тянули её к укрытию от дождя с оправданным усилием.

– Всё нормально, – отозвался я, выставив в сторону руку с раскрытой ладонью. – Я просто... уронил кое-что... Посветите сюда снова, пожалуйста...

Дождавшись слабой поддержки светом, я вновь оглядел могучее полотно двери, и, не придумав ничего лучше, решил просто постучать по нему кулаком. Как будто бы жильцы

кажущегося заброшенным дома могли пропустить тот грохот, с которым рухнул их старый молот.

Мой стук отзывался эхом в пустоте по ту сторону толстой преграды – я слышал этот глухой отзвук даже сквозь шум и шелест вновь набирающего силу ливня. Но никто не отвечал. Не было вообще никакой реакции на мои удары. И тогда, следуя дурному правилу большинства киношных триллеров, я взялся просто тянуть дверь на себя. Тщетно. Потом принялся толкать её в противоположную сторону – с тем же отсутствующим результатом. Высокая деревянная пластина даже не двинулась с места, хотя я готов был поклясться, что она не заперта на замок и не заблокирована ничем с обратной стороны!

– В сторону, Юичи! – приказала тётя Мэй, внезапно оказавшись прямо позади меня. Её слова оттолкнули меня вбок, но, вместо того, чтобы пройти к двери, женщина просто прикрыла глаза и устало растолковала: – Да не ты... Дверь толкни в сторону. Она должна открываться так – у основания видны полозья...

Не сразу сообразив, чего именно от меня добивалась тётя, я как в замедленной съёмке вернулся к непреодолимой, казалось бы, преграде, и вновь надавил на неё ладонью. Но на этот раз всё доступное усилие я обратил вбок, вправо, надеясь одним движением открыть для нас путь к сухости и покою – вот только дверной створ, загрохотав, остановился после первого же сантиметра пути и прочно застрял на одном месте.

– Не похоже, чтобы этим входом в последнее время пользовались, – озвучил я робкую мысль, надеясь оправдать тем самым собственный провал.

– И вправду, – с неожиданной лёгкостью согласилась моя старшая спутница. – Но попробуй ещё левую...

Послушно кивнув, я налёг всем телом на нетронутую сторону двери – и с огромным трудом, через скрежет и боль в перегруженном плече всё-таки сумел оттолкнуть её подальше в предназначенный для этого паз. После всех моих усилий створка сдвинулась едва ли на половину – но этого уже было достаточно, чтобы внутрь могли проникнуть все мы, пусть и по одному.

И... если до этого неизвестные жильцы особняка ещё могли пропустить шум нашего прибытия, то грохот открываемой двери определённо должен был переполошить весь дом!..

Впрочем, темнота, обступившая нас со всех сторон, вовсе не казалась настороженной или враждебной – скорее любопытной: она легко уступала свету тётиного фонарика, рассеивая недавние страхи и сомнения. Отсюда, изнутри, особняк уже не казался таким уж страшным – да, он нависал со всех сторон резкими углами главного зала, терялся в глубине примыкающих коридоров и растворялся в черноте у самого потолка – но даже при этом... Даже при этом я вдруг ощутил неожиданный комфорт и какое-то ленивое спокойствие: к этому подталкивал относительный уют прихожей с её большим столом и парой массивных диванов, приткнувшихся по сторонам от того.

– Прощу прощения! – звучно произнесла Ямато-старшая, надеясь быть услышанной хозяевами потушенных свечей. – Простите нас за вторжение!.. И... мы не причиним вам вреда!

Ответом ей было лишь жутковатое эхо, отзвуки которого ещё долго растворялись в отдалённых уголках особняка.

Нервно пожав плечами, Ямато Мэй сделала несколько шагов вперёд – вода по-прежнему бежала с её одежды диким потоком – и, не разуваясь, взошла на приподнятый деревянный пол приёмного зала. Внимание её, судя по направлениям конуса света, было рассеяно по всему помещению – и немудрено: несмотря на то, что здание должно было быть обитаемым, всё его естество однозначно говорило об обратном. Разбухшие и повылезавшие из своих гнёзд половицы торчали, роились под ногами, прятались под истлевшими обивками диванов и как будто бы скрывались в темноте, стыдясь многочисленных гнилых пятен.

И тот комфорт, что накрыл меня тёплым одеялом после входа в здание, мгновенно растворился в этих тёмных бесформенных провалах.

– Будьте осторожны, тётя, – быстро прошептал я, полагая, что женщина случайно споткнётся об одну из этих утлых деревяшек или вовсе провалится сквозь них. – Пол какой-то...

– Я вижу! – огрызнулась Ямато-старшая, переступая с ноги на ногу в полуметре от плесневелого ковра. – Вижу! И хватит уже называть меня...

Она не договорила. Просто дёрнула руку с фонариком в сторону – так резко, что я, ставший разглядеть что-то в его ровном свете, вдруг резко потерял точку опоры для взгляда и не сразу смог найти её вновь. Оказалось, Мэй с напряжением хищной кошки обратилась к одному из дальних коридоров, будто бы ожидая оттуда появление какой-то угрозы.

– ... тётей, – договорила женщина после долгой паузы, но тело её по-прежнему казалось сотканным из натянутых стальных тросов.

– Там кто-то был?.. – я всем телом подался вперёд, надеясь разглядеть хоть что-нибудь внятное в противоположной части холла. – Жилец?..

– Нет, – вдова отмахнулась от меня, как от назойливой мухи. – Нет, никого не было. Мне просто... показалось.

Последнее слово Ямато Мэй произнесла с тяжёлым сомнением. Ей, похоже, до сих пор не давали покоя пригрезившиеся на дороге девочки. Или... кто там вообще был?.. Дети... Какие-то дети. Это и всё, что я смог запомнить.

– Тё... – я запнулся, но тут же исправил сам себя: – Мэй... Прости, но... может, нам лучше остановиться где-нибудь в другом месте?.. То есть... эта деревня – тут же полно домов! И не все из них разрушены...

Женщина проигнорировала мои слова. Просто оставила их без внимания – и двинулась дальше по скрипучему старому полу. С трудом сдерживая зябкую дрожь, она обогнула один из двух диванов – тот, что почти развалился под собственным весом – и склонила голову к старому покосившемуся столу.

– Пыль, – негромко констатировала она, покачав головой. – Пыль и сырость... Здесь как будто бы целую вечность никого не было...

Позади меня сверкнуло, а затем и гроыхнуло. Мощный, идущий от самого неба раскат обрушился на деревню, заглушив все звуки и оставив после себя лишь неприятный звон в ушах. Новая молния последовала за этим грохотом незамедлительно, и вспышка её ударила в окна первого этажа призрачным белым сиянием.

Нет, возможно, возвращаться под набирающий силу ливень было бы куда худшим решением...

Сохраняя сосредоточенное молчание, тётя Мэй продвинулась ещё дальше по комнате и почти добралась до противоположной её части – фонарик женщины уже вырывал из мрака очертания исполинской лестницы на второй этаж, занимавшей едва ли не половину правой стены, – как вдруг замерла на полушаге и тут же поманила нас с девочками ладонью.

– Там, – Ямато-старшая неохотно подкрепила свой жест словами, будто бы опасаясь, что её находка может оказаться не более чем очередной иллюзией. – В конце того коридора... Справа... Свет, как будто бы?..

Воодушевившись догадкой тёти, я торопливо подобрался ближе, невзирая на жалобный скрип половиц под ногами, и заглянул через её плечо в предвкушении горького разочарования. Но тут, как и тогда, на дороге, Ямато Мэй оказалась полностью права – в конце длинного коридора, берущего начало у правого угла приёмной залы и уходящего прямо от неё, как будто бы действительно можно было разглядеть жёлтые отблески свечного огня.

Позабыв себя от удивления и надежды, мы всей группой пошли на свет – как мотыльки, односложные и существующие лишь ради того, чтобы двигаться к этому манящему ориентиру.

Я не видел ничего вокруг. Брёл наугад по скрипучему, надрывающемуся от натуги полу, в окружении крошечной темноты, и на ощупь миновал тёмный переход, лишь единожды – при очередном ударе молнии – обнаружив, что выходил тот во внутренний двор особняка... Что, впрочем, забылось моментально – слишком сильна была надежда на тепло живого огня, на возможность спастись от этой гнетущей, абсолютной сырости, до сих пор занимающей всё пространство моего маленького мирка.

Шаг за шагом, вдох за выдохом – и мы, наконец, дошли до мягко очерченного свечным огнём угла. Как оказалось, это был не просто поворот, а настоящая развилка – Т-образный перекрёсток, обставленный и украшенный на европейский манер. Задрапированные тканью стены уходили в пустоту и темноту, продолжая медленно разваливаться под давлением времени, но от картин, что некогда украшали особняк, уже не осталось ничего, кроме тёмных смазанных пятен в дорожных рамах.

Никто не мог жить в таких условиях... никто...

Поддавшись очередной волне страха, я замедлил шаг. Оглянулся через плечо, надеясь найти обратную дорогу, но позади меня ждал лишь абсолютный, непроницаемый мрак, едва тронутый шумом беснующейся непогоды.

Проклятый дом как будто бы не оставил мне выбора!

Сжав скользкие от дождевой воды ладони в кулаки, я шумно вдохнул холодный воздух особняка – и вдруг остановился на одном месте. Мне почудилось – всего на мгновение, на короткий миг – что ноздрей моих коснулся какой-то до боли знакомый запах... Как будто бы...

– Едой пахнет! – опередила меня Ямато-младшая, вырвавшись чуть вперёд.

– Точно! – едва не выкрикнула ей вслед сестра. – Мама, ты чувствуешь?!

Ямато Мэй осталась безмолвна. Но шаг она явно ускорила. И мне, чтобы не остаться в одиночестве посреди крошечной темноты, пришлось торопливо двинуться следом.

Мы повернули направо и, через десяток метров, наткнулись на источник свечного огня...

Путеводный свет вывел нас к одному из множества банкетных залов, которыми, наверное, изобилует этот загадочный особняк, и буквально очаровал внезапно открывшейся картиной: в большом, богато украшенном помещении возвышались в три ряда приземистые, мощные, будто бы вообще недвижимые столы, уставленные десятками, сотнями различных яств. Древние, но всё ещё крепкие скатерти хранили на себе бесчисленное множество тарелок, чаш и подносов, на которых блестели шикарные блюда – на первый взгляд совершенно разнообразные, однако объединённые единственной деталью: все они были сделаны из речной рыбы. Риса и привычной гречневой лапши почти не было видно, равно как и мяса. Только рыба – много, очень много рыбы во всех кулинарных проявлениях.

Дурное предчувствие, укореняющееся в центре груди, вдруг стало ещё сильнее, и вдоль позвоночника моего пронёсся неприятный холодок сомнения.

Опасаясь худшего, я посмотрел на тётю, но та как будто бы разделяла мои опасения – и крепко держала девочек за руки, не позволяя им войти в роскошный зал.

– Старую сказку напоминает, правда?... – глухо поинтересовалась вдова, отступая немного назад. – Дождливая ночь, заблудившиеся путники... И богатый стол посреди мрачного особняка. Я так и вижу, как из какой-нибудь неприметной двери выходит противная ведьма и пытается приготовить из нас какую-нибудь малоаппетитную мерзость...

Я мрачно кивнул. Но отвернуться от заманчивого съестного богатства так и не смог – голод, до этого прятанный где-то глубоко внутри моего тела, вдруг набрал силу и начал заявлять о себе.

– Всё это... слишком странно, – тётя Мэй продолжала озвучивать собственные мысли, не решаясь ни войти в зал, ни уйти от него прочь. – И там, у дальней стены... На последнем столе...

Проследив за взглядом женщины, я с некоторым затруднением обнаружил то, о чём она говорила – и нервно передёрнул плечами: самый дальний из столов был заставлен едой, как и другие, но еда эта оказалась не просто старой – она была испорчена и лежала там не меньше недели. А может и ещё дольше – плесень и куски разваливающихся блюд уже начинали переползать с тарелок на скатерть.

Моё тело содрогнулось вновь – но на этот раз от переполняющего отвращения.

– А второй?.. – снова промолвила Ямато-старшая, сверля взглядом одну точку посреди зала. – Он тоже заставлен какой-то мерзостью... Но... чуть посвежее. Да?..

– Похоже на то, – согласился я, поморщившись. – Только... Это ведь... как-то совсем странно, да?..

– Ещё бы. И... знаешь... у меня сложилось впечатление, что... Нет. Серьёзно. Подумай сам: первый сильный дождь прошёл в этой области как раз на той неделе. Следующий за ним – три дня назад. И вот сегодня...

Тётя пыталась связать появление местной еды с обильными ливнями, проходившими над деревней?.. Я... определённо не понимал этой логики. Не находил у этих двух фактов ничего общего, кроме приблизительного времени – тем более, что пища за дальним столом могла быть приготовлена ещё до первого из обозначенных тётей дождей.

– Я прямо не знаю, что думать об этом месте, – слова Ямато-старшей отдавали странным холодом. – Всё... слишком странно. Я как будто бы во сне... в странном, дурном сне. И ничего не могу понять...

– Ну, мам?.. Мама?.. – определённо храбрейшая из двух сестёр подёрнула вдову за полу куртки, привлекая к себе внимание. – Можно мы поедим?.. Пожалуйста... Всё тут выглядит таким вкусным... А мы очень, очень хотим есть...

Неужто девочек не смущало всё это?.. Ни странный заброшенный дом, ни забитый снедью стол?.. Ни даже смрад испорченных продуктов, растекающийся у дальней стены помещения?..

Ямато Мэй тоже казалась обескураженной. Её нижняя губа дёрнулась так, словно вдова уже намеревалась дать девочке суровый отказ, но тут же просто замерла в нерешительности.

– Мы со вчерашнего утра ничего не ели, – продолжала настаивать девочка, взирая на мать снизу вверх с поистине детской решимостью. – Акеми тоже проголодалась, только она этого не признает! И братик Юичи тоже...

– Никакой он тебе не «братик»! – вдруг вспыхнула вдова, пронзив меня обжигающим взглядом. – И... Как вы вообще можете думать о еде?.. Неужели...

Ямато-старшая запнулась на половине фразы. Сдалась. Уступила негромким уговорам дочерей и всё-таки вынужденно кивнула, призывая меня держаться рядом. Издав тяжёлый вздох, она перенесла тяжесть тела вперёд и сделала широкий, отчаянный шаг.

Она первой переступила порог странного зала, опасаясь, наверное, любых происшествий и ошибок – но воздух в помещении остался недвижим. И всё осталось по-прежнему: за стенами особняка всё бесился неудержимый ливень и громыхали небеса, а старые стены негромко поскрипывали, незаметно гуляя из стороны в сторону.

Подойдя к ближайшему столу, я невольно окинул взглядом его убранство и с удивлением обнаружил, что первое моё впечатление оказалось обманчиво: выставленная по всей внушительной длине столешницы еда вовсе не была такой уж шикарной или обильной. В основном тут были супы – сплошь из рыбы, с незначительными добавками – и то, что можно было приготовить на открытом огне. И тарелки... вблизи уже не казались такими уж чистыми. Конечно, им было далеко до тех, что «украшали» сейчас стол у дальней стены, но всё же...

– Свечи, – промолвила Мэй, указывая на множество расставленных поодиночке восковых цилиндров. Многие из них оплавилась, похоже, более чем наполовину. – Горят явно дольше нескольких часов...

Поддавшись неожиданному наитию, я перевёл взгляд на другие столы, и без труда обнаружил на их поверхности твёрдые матовые лужицы расплавленного и схватившегося вновь воска.

– Я просто не понимаю, – продолжала женщина жалобно и как-то очень слабо. – Кто мог устроить тут всё это, и при этом... вот так вот... оставить... Никто ведь не притронулся к той рыбе! И эту тоже никто даже не попробовал! Как может быть, что?.. Кто же?..

Мэй не успела договорить. Выскользнув из её обессиленных рук, девочки подбежали к столу и бухнулись перед ним на колени. Маленькие их ручки запорхали над желтеющей скатертью, но, вопреки опасениям Ямато-старшей, близнецы не сразу взяли за еду. Сперва они – и к моему огромному облегчению – с пристрастием изучили доступные варианты, придвинули поближе то, что сочли интересным и отставили в сторону всё подозрительное или невкусное.

Мрачно пожав плечами, вдова последовала за девочками и, обойдя стол по широкой дуге, села с обратной его стороны, лицом к дочерям и входной двери. Я хотел было последовать её примеру – в конце концов, того требовал естественный инстинкт – но бурчание в животе заставило выбрать кратчайший маршрут к аппетитно пахнущим блюдам. Я был голоден, устал и перепугался настолько, что попросту перестал ощущать этот страх – и мне необходима была хотя бы минута покоя. Минута прежней жизни с едой на столе и теплом, исходящим от множества слабых свечных огоньков.

Столовых приборов поблизости не было, так что мы, не сговариваясь, принялись есть рыбу руками. И... та не оказалась особенно вкусной. Скорее даже наоборот – пресная, со странным бумажным привкусом, она была хороша только на вид. Вот только голод всё равно оказался сильнее – и, подставив поближе одну из тарелок, я принялся жадно уплетать её содержимое. До тех пор, пока Ямато Мэй не заговорила.

– Скажи, Юичи, зачем?.. – процедила она с плохо скрываемой злобой, глядя перед собой пустыми и блеклыми глазами. – По какой причине твои проклятые родители решили, что могут вот так вот запросто отправить тебя ко мне?..

Я не сразу сообразил, что тётя говорит именно со мной – даже названное вслух имя вкупе с ненавидящим тоном не задело во мне ни одной струны. Но когда осознание всё-таки пришло... я не смог отправить в рот больше ни единого куска.

– Простите, – я слабо переспросил, утирая губы тыльной стороной большого пальца. – Я не...

– Ты никогда мне не нравился, – отчеркнула тётя, пряча трясущиеся кулаки под стол. – И мои девочки... Я не хочу, чтобы ты был с ними рядом! Так зачем?..

– Они разошлись, – слова давались мне с большим трудом. – Разъехались со скандалом... И... решили, что не могут пока...

– Они ведь знали, – Ямато Мэй взглядом приказала близнецам молчать. Те, очевидно, хотели заступиться за меня, сказать хоть слово против – но руководила разговором их мать. – Они знали, в каком я положении, так? Знали, что мы по уши в долгах с двумя детьми... И всё же решили, что других вариантов нет?..

– Вы были единственной надеждой... Честно...

– Мне нет до этого дела! – повысив голос до крика, Ямато-старшая сгорбилась над своей стороной стола. Её душили слёзы. – Когда моего мужа не стало – никто из них – никто! – даже не подумал поделиться простейшими соблезнованиями... Или помочь мне деньгами – хоть немного! Но нет! Нет... Вместо этого... они прислали тебя. В качестве рабочей силы, быть может?.. Чтобы ты отработал своё проживание с процентами? Чтобы помог мне рассчитаться с долгом?.. Не думаю!

У меня не было ни слов, ни сил, чтобы возражать. Я вдруг понял: женщина сейчас кричала не на меня – она просто пыталась смириться с довлеющей над нами безысходностью, излить всю свою ненависть на скользкую трассу, на разбитую машину и ту дыру, куда нас занесла бурная река. Мы буквально утопали в проблемах, и где-то в глубине души – это читалось в отдельных интонациях и жестах – Ямато Мэй стыдилась того, что втянула меня, едва знакомого человека, во всё это дело. Да, я не нравился ей – но не заслуживал того, чтобы брать собой в это дикое путешествие. И не должен был оказаться в этом безумном месте посреди чёрной безвестности.

Мы все находились на пределе... Но каждый – у своей черты.

Едва заметно, с кошачьей осторожностью девочка, что сидела справа от меня – та самая Акира, что настаивала на утолении голода – легонько погладила мою руку чуть выше локтя и, встретившись со мной взглядом, тихонько покачала головой. Она жалела меня... И стремилась показать, что Ямато-старшая наговорила всё это не всерьёз.

– Я знаю, – ответил я одними губами и попробовал улыбнуться. – Конечно же, я знаю...

подавившись собственными рыданиями, вдова в безысходном молчании принялась за еду. Но прежнего аппетита у нашей четвёрки уже не было.

Отвлекшись от трапезы, я вдруг понял, как же тяжело было до сих пор сидеть в промокшей до нитки одежде – раньше, ведомый то страхом, то голодом, я почти не замечал этих неудобств, но теперь, сидя в натёкшей луже дождевой воды – невольно сотрясся всем телом. И попробовал было стянуть с себя куртку, но та словно прилипла к телу вторым слоем скользкой и холодной кожи.

Заметив это моё движение, Ямато Мэй удручённо осмотрела себя, после чего перевела взгляд на девочек – и тут же взялась вытирать руки о мокрые брюки. Этот её не слишком-то взрослый жест в любой другой раз мог быть истолкован мною с отвращением, но в данных условиях – при отсутствии салфеток – варианта лучше было просто не найти. Дотрагиваться до пожелтевшей и покрытой непонятными пятнами скатерти мы все откровенно брезговали.

– Всё, хватит пока, – отрезала вдова, поднимаясь со своего места. – Сюда мы ещё вернёмся, если будет желание. А пока нужно высушиться и согреться по-настоящему. В этом доме должна быть как минимум одна ванная комната, и нам лучше бы найти её как можно скорее!

Обогнув стол, Ямато-старшая уже готова была потащить дочерей к выходу из зала, как вдруг замешкалась и посмотрела на меня сверху вниз каким-то очень недобрый, пугающим взглядом.

– Юичи, – промолвила она, взвешивая каждое последующее слово. – Я думаю, нам лучше разделиться. Ты можешь взять тут одну свечу – или несколько, если захочешь – и пойти направо. Мы же с девочками попробуем отыскать что-нибудь подходящее в противоположной стороне.

– Мам, не надо!.. – Акира растерянно переводила взгляд с матери на меня и обратно. – Там ведь страшно! И нам лучше держаться вместе...

– Хватит! – возражения девочки как будто бы всерьёз взбесили Ямато-старшую. – Он парень – мужчина! – и почти вдвое вас старше! Ему нечего бояться пустого дома!

– Но тут ведь кто-то живёт, – добавила Акира чуть тише, стараясь не смотреть в безумные глаза вдовы. – Кто-то приготовил всю эту еду...

Женщина явно намеревалась сходу отмести любые слова дочери, но тут вынуждена была замяться. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, она посмотрела сперва на дальний стол, потом на тот, что находился ближе всех к нам. И лишь раздражённо хмыкнула.

– В любом случае, – голос вдовы стал хриплым и тихим. – Чем дольше мы будем искать – тем больше шансов, что кто-то из вас, мои дорогие, упадёт со страшной простудой... Нам ведь это не надо? Уверена, что нет. Поэтому просто идите на выход. А ты, Юичи, – колючий взгляд

чёрных глаз заставил меня слегка наклониться в сторону. – Возьми уже себя в руки – и сделай хоть что-нибудь достойное.

С этими словами Ямато-старшая похватила дочерей за руки и вывела их из зала. Я провожал их взглядом до самой последней секунды, и чудом заметил, как взволнованная Акира махнула мне напоследок маленькой дрожащей ладошкой.

А я... я остался в полном, абсолютном одиночестве посреди залитой слабым светом обеденной комнаты. В окружении непонятных блюд, традиционных столов и как будто бы заметно сблизившихся за последнюю минуту тёмных стен.

Мне стало страшно. То есть... по-настоящему страшно. Как во сне, в ночном кошмаре, который буквально душит тебя осознанием абсолютного, необоримого ужаса, от которого волосы шевелятся на голове, а руки парализует от холода.

Как тётя могла?.. Как она вообще додумалась оставить меня одного?..

Я попробовал зажмуриться, чтобы избавиться от давящего ощущения пустоты, но стало только хуже – показалось, что за преградой опущенных век сейчас может происходить что угодно, любой воплощённый страх, и я, не замечая его, лишь усугубляю собственное положение. Незнание... убивало.

Поскуливая от бессилия, я вновь распахнул глаза и с удивлением осознал, что мир передо мной расплылся и потерял в резкости. Слезы. Они появились сами по себе и бежали теперь по щекам множеством маленьких горячих ручейков. И с каждой секундой, с каждым мгновением, проведённым мною в этом проклятом зале, их как будто бы становилось всё больше.

Не в силах больше выдерживать этого давления, я потянулся за одной из свеч и, едва не потушив её резким движением, потянул к себе. Корка восковой тюрмы с едва слышимым хрустом обломилась, и в руке моих остался немного покорёженный книзу светящийся белый цилиндр. Прикрыв его пылающий верх свободной ладонью, я спешно поднялся на ноги и вышел в коридор.

Фонарика тёти Мэй уже не было видно в темноте слева, и я, преодолевая невероятную дрожь во всём теле, повернул в ту сторону, откуда мы вчетвером пришли. Только путь этот – благодаря ограниченному радиусу света и пугающему одиночеству – в этот раз показался втрое длиннее, и, добравшись-таки до памятного перекрёстка, я не меньше сотни раз вспомнил то нелепое чувство, что посещало меня порой дома, в моменты блужданий по ночной темноте. Даже тогда, под родной крышей, мне хотелось как можно скорее бежать от этого мрака, спрятаться от него под одеялом – или ещё где – а сейчас... Сейчас каждый мускул в моём теле сводило от страха, но, представляя, как тухнет на полпути слабый огонёк свечи, я заставлял себя двигаться размеренным шагом и просто терпел беззвучные вопли собственных распявшихся фобий.

Ямато Мэй... Да что она о себе возомнила... С чего решила, что может вот так вот распоряжаться судьбой чужого сына?.. Тем более – таким бесчеловечным образом!.. Вот если бы с её близнецами случилось что-то подобное... Вот если бы одна из девочек оказалась на моём месте... Всё было бы... иначе.

Я запнулся на полушаге, едва не потеряв равновесие, и лишь чудом удержал в ладони свечу, неудачно капнувшую на кожу раскалённым воском. Мгновенный укол боли пронзил руку до самого плеча, но я моментально забыл о нём, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Мои злые мысли. Моя ненависть, что я излил на Ямато-старшую и её потомства – она как будто бы нашла отклик в окружающей тишине. Она вошла в резонанс с громадой всего особняка... И я вдруг *почувствовал* его древнюю, страшную волю, скованную горечью, болью и злобой ушедших в пустоту поколений, его беспощадное безразличие, его истинное предназначение. Я ощутил всё это – и тут же беспомощно привалился к стене. Скользнул по ней

вниз, окончательно потеряв равновесие, и ещё долго просто сидел так, прислонившись головой к старому дереву.

Обида и злость... Злость и страх. Страх и безволие. Деревня жила этими чувствами долгое время. Достаточно долгое, чтобы пропитаться ими насквозь. И я случайно забрался в эту паутину по самое горло.

К счастью, сминающее ощущение прошло довольно быстро. Подобно набегающей волне, оно сбило меня с ног и подмяло под себя, но тут же отступило, дожидаясь новой возможности... И я, не сразу преодолев тяжесть во всём теле, всё-таки смог подняться на ноги.

Никуда не делась только дурнота. Внушаемая почти неосязаемыми остатками пережитых ощущений, она подстёгивала меня изнутри, заставляя двигаться вперёд, и ежесекундно напоминала о пережитом кошмаре.

На всякий случай прикрыв рот влажным рукавом, я отставил свечу на вытянутой руке и сконцентрировал всё своё внимание на тянущемся в бесконечности коридоре. Тот был по-прежнему мрачен и пуст – но теперь со стороны внутреннего двора, сквозь створки ставен-дверей слева от меня, не сверкали даже молнии. Так что я брёл в кромешной темноте, окружённый негромкими скрипами и очень слабым, но всё-таки ощутимым запахом плесени.

Двери попадались по правую руку с настойчивой регулярностью, и у каждой из них для меня начинался миниатюрный эпизод фильма ужасов: медленно, контролируя каждое движение, я старался приоткрыть створку на небольшое расстояние – чтобы пролить немного света в незнакомые помещения – и уже потом позволял себе заглянуть внутрь. В большинстве своём мне попадались различные кабинеты и общие комнаты – как будто бы количество гостей особняка требовало поистине безмерных площадей – но время от времени взгляду моему открывались и утлые спальни. Небольшие – всего в три татами – бедно обставленные и совершенно невзрачные, они, скорее всего, предназначались для прислуги и находились в шаговой доступности от основных залов. Рядом с одной из таких комнатушек я обнаружил и туалет – тот, похоже, остался со времён возведения особняка и некогда нависал над склоном холма – но опоры под ним давно прогнили, и пол целого помещения почти полностью ушёл вниз.

Разочарованно вздохнув, я прикрыл за собой дверь и поплёлся дальше по бесконечному коридору. Впрочем, бесконечность эта оказалась куда короче, чем могло представиться: уже через десяток шагов я уткнулся в очередную развилку – и животный ужас, что почти выпустил меня из своих железных объятий, неожиданно вернулся вновь с порывом непрошенного холодного ветра. Тот неожиданно пронёсся откуда-то слева, со стороны внутреннего двора, и, истерзав пламя моей свечи, скрылся в пустоте. И тут же мне послышался негромкий, почти неразличимый скрип, идущий наперерез этому ледяному порыву. Как будто бы сотни крохотных коготков непрерывно скреблись по вековому камню, вытаскивая в нём мириады сквозных ходов.

Инстинктивно вскрикнув, я выбросил вправо вытянутую руку со свечой – выплескивающийся воск уже не беспокоил меня благодаря образовавшейся на коже корке – и начал жадно всматриваться в кромешный, почти не тронутый желтоватым светом мрак. Не прошло и секунды, как я пожалел о неразумно поданном голосе, но скрежет как будто бы не стал ближе или отчётливее – он всё так же существовал на пределе слышимости, где-то далеко и словно бы не взаправду.

Я взмолился всем местным духам, чтобы очередной поток ветра из внутреннего дворика хоть на мгновение заглушил эту странную слуховую галлюцинацию и позволил мне спокойно повернуть влево – но воздух вокруг оставался недвижим. И сходилась мертвенной тишью глубокого колодца, куда не доставали звуки окружающего мира. Я не слышал больше ни треска свечного фитиля, ни стонов гуляющих стен – только настойчивый, скрипучий шорох, не становящийся громче, но всё равно занимающий всё больше и больше пространства. И я... Я не смог устоять. Зашагал по правому пути, чувствуя, как немеют от страха руки и как стал-

квиваются при каждом новом шаге трясущиеся колени. Я двигался почти против собственной воли, но всё-таки не без любопытства.

К собственному удивлению, я не встретил на своём пути больше ни одной двери. Уходящий в сторону обрыва коридор выглядел совершенно пустым. По сторонам его не было видно окон, а пол казался неправдоподобно ровным и целостным. Как если бы его не затронуло время и пощадила доносящаяся снаружи сырость.

Он создавался на века и определённо существовал тут не просто так, этот коридор... Но... зачем же?..

Робкими шагами я пробирался всё дальше вглубь этого прямого прохода, замороженный монотонным поскрипыванием, и вскоре совершенно потерял счёт пройденному расстоянию. Чёрный настил под ногами всё тянулся и тянулся во тьму, а одинаковые стенные панели постепенно создали иллюзию бесконечного, зацикленного на самое себя пространства, из которого не было и не могло быть выхода. И звук, этот проклятый звук, что гипнотизировал меня с первой секунды своего появления, даже не думал становиться ближе.

Замерев на секунду, я готов был уже сорваться с места и перейти на бег, как вдруг обнаружил, что от моей путеводной свечи осталось совсем немного – огарок, которого могло не хватить даже для обратной дороги.

Меня пронзило отчаяние. Запертый меж двух стен крошечного мрака, с умирающим огоньком в скованной воском руке, я моментально потерял ориентацию и уже не мог с уверенностью сказать – откуда именно пришёл и куда направлялся первоначально. Безликий коридор навалился со всех сторон стенами примитивного склепа, а единственный ориентир – далёкий скрежет – неожиданно приблизился и начал доноситься со всех сторон разом. Он сочился сквозь узкие щели в полу, звучал за стенами и незримой паутиной опускался из-под тёмного потолка... Раздробленный, хаотичный, но при этом – совершенно осмысленный.

Со слабым стоном я отшатнулся назад и врезался спиной в шероховатые доски одной из стен. На глаза снова наворачивались слёзы панического ужаса, и, казалось, что с последней секундой жизни свечного огонька пропаду и я – растворюсь в этой крошечной черноте, стану частью её.

Стараясь не дышать, я выставил кулак со свечой напротив лица и попробовал чуть выдвинуть вверх ту часть белого воскового цилиндра, что ещё находился в моей ладони – но без особых результатов: за время моего бездумного марша натёкший расплавленный воск сцепился в сплошной массив вокруг нескольких пальцев. Для воплощения задуманного мне требовалось каким-то образом пробить этот мягкий панцирь, однако в сложившейся ситуации на ум не приходило ни одного варианта, после которого огонёк остался бы в целостности и сохранности.

Как я мог пропустить подобное?.. И сколько времени потратил на поиски? Может, там, снаружи, давно наступило утро?.. А я всё это время уходил всё дальше во чрево горы?

Нет. Нет, ни о чём подобном мне не хотелось даже думать.

У меня ведь по-прежнему оставалось два пути. Два. А это – хороший шанс вернуться в изведенную часть особняка прежде, чем выгорит свеча.

Стараясь настроить себя на нужный лад, я зажмурился и начал часто вдыхать холодный воздух носом и выдыхать – ртом. Чтобы успокоиться. Чтобы вернуть ударам сердца прежнюю размеренность и сделать правильный выбор.

Но не успел я даже закончить в уме обратный отсчёт, как тишина коридора вдруг раскололась на части, давая дорогу отдалённому оклику:

– Юичи! – голос тёти Мэй разносился далеко окрест, заглушая даже мягкий грохот токов крови в моих ушах, и с первым же его звуком донимавшие меня галлюцинации мгновенно исчезли, спрятавшись, схоронившись по тёмным углам. Не осталось больше ни нарастающего скрипа, ни ощущения полнейшего вакуума – в воздухе вновь появился запах горелой свечи,

отсутствие которого я не заметил сразу, и пол под ногами жалобно скрипнул под давлением моей ноги.

– Тётя!.. – слабо откликнулся я, озираясь по сторонам. Конкретное направление доносящегося эха уловить оказалось сложнее, чем я думал. – Мэй! Мэй, я здесь! Здесь!

Замолкнув и прислушавшись, я начал осознавать, как же пугала эта тупая тишина *между* нашими выкриками, и как сложно было убедить себя в том, что вот-вот зазвучит очередной возглас, и одиночество вновь отступит – хотя бы на мгновение.

Прошло несколько долгих секунд, которые я провёл в предельном напряжении, но тут справа от меня коридор осветился светом карманного фонаря – и из горла моего вырвался вздох одновременно облегчения и полнейшего удивления: тётя Мэй показалась из-за угла той самой развилки, что уводила прочь от внутреннего двора, и почти сразу же нашла меня. Нас разделяло всего-то несколько метров – расстояние, недоступное для сферы свечного света, но тривиальное даже для слабого ручного фонарика.

– Вот ты где, – с плохо скрываемым облегчением произнесла женщина, подходя ближе. – Не слишком далеко продвинулся, да?..

– Нет, я... – мой смущённый взгляд прокатился по полу и ушёл влево – в направлении источника исчезнувших скрипов – но история о моём получасовом блуждании на одном месте сама по себе показалась неуклюжей даже мне самому. – Я просто изучал помещения...

– И зачем?.. – вдова задала вопрос, но ответа на него явно не ждала. Потеряв ко мне всякий интерес, она развернулась на месте и спокойно пошла обратно к развилке – там её ждали взволнованные и озадаченные дочери.

Растерянно взмахнув свечой, чтобы потушить её пламя, я в несколько движений освободил ладонь от восковых оков и швырнул их липкие остатки на пол позади себя.

В конце концов, кому это могло помешать.

– А вы, получается, нашли подходящую комнату?.. – поинтересовался я, догоняя Ямато-старшую.

– Вроде того, – та неопределённо хмыкнула. – Мы нашли выход к соседнему корпусу, он за банкетным залом, – и там, судя по всему, располагается крытый горячий источник. Но не похоже, чтоб этой дорогой пользовались местные обитатели – проход наполовину завален, а сами купальни, скорее всего, давно стоят без ухода. Но это лучше, чем умирать от холода в мокрой одежде.

Ямато Мэй вновь казалась собранной и сильной – хотя голос её при упоминании «местных обитателей» всё-таки заметно дрогнул – и спокойно вела нас вперёд. Так, словно разговора в обеденном зале попросту не было.

Но... горячие источники?.. Одно их упоминание настроило меня на оптимистичный лад – в конце концов, никакой горячий душ не мог сравниться с теплом естественного водоёма, питаемого жаром самой природы.

Как и говорила тётя Мэй, переход между корпусами особняка оказался наполовину разрушен: покатая крыша ввалилась внутрь, пропуская бесконечные потоки дождя, но застряла на богато украшенных перилах, зачем-то пущенных по внутренним стенам коридора. Похоже, этим путём когда-то пользовались почтенные старцы, неспособные передвигаться без опоры, и если бы не забота об их удобстве – целый сегмент свободного коридора мог бы сложиться внутрь себя. Или даже хуже – сползти со своих опор и рассыпаться грудой гнилых обломков.

– Смотрите под ноги и будьте предельно осторожны, – предостерегла нас Ямато-старшая, неосознанно подтверждая мою догадку: сквозь огромную дыру в стене прохода не было видно земли – свет фонаря просто не доставал до неё, упираясь в полог ночного мрака – а значит, мы всё-таки находились внутри поднятой и крайне уязвимой конструкции.

Осторожно, стараясь опираться на скрипучие доски пола целой стопой, добрался до разрушенной секции – брызги дождевой воды орошали тут всё вокруг с раздражающей настойчивостью – и опёрся о край поваленной крыши ладонью. Вдова с девочками медленно продвигались в том тесном пространстве, что позволяло миновать разрушенный участок, а я, дожидаясь своей очереди, просто смотрел во мрак пугающего своей пустотой отверстия.

Молния, следуя своему извечному правилу, сверкнула внезапно – и в её мимолётном свете я, не сдержав зачарованного вздоха, разглядел весь массив заброшенной деревни разом. Взору моему открылись спускающиеся к подножию холма наросты небольших домиков и местных лавок, заключённые в объятия выложенных из камня коридоров; отдалённые очертания заправки и приставшая к ней лента широкой дороги; непонятные развалины, стелящиеся вдоль бурной реки – и, наконец, величественная тень особняка, подобно ленивой лавине накрывшая всё это мрачное великолепие.

Протолкнув слюной вставший в горле ком, я не без труда оторвал ладонь от шероховатого обломанного бруса и спешно последовал за девичьим авангардом.

Следующая секция перехода тоже выглядела довольно потрепанно – стёкол в небольших окошках почти не осталось, и дождевая вода охотно брызгала на пол из дюжины разных источников – и ковёр, что тянулся вдоль всего пути, выглядел соответствующе. Удивляло только то, что свет фонаря высвечивал под нашими ногами только разваливающийся от сырости хлопок ковра – ни стеклянных осколков, ни каких-либо ещё следов разрушения. Как будто бы коридор пережил какой-то сильный звуковой удар изнутри, буквально вытолкнувший окна из рам и приведший к обрушению целого пролёта крыши.

Ведь... Вряд ли кто-то посчитал своим долгом как следует прибраться в этом забытом богами месте, чтобы убрать следы бывшего происшествия?.. Едва ли загадочных «местных жителей» вообще волновало состояние этого особняка, так что же?.

– Почти пришли, – облегчённо промолвила Ямато Мэй, отряхивая с рукавов крохотные капельки мороси. – И... самое худшее уже позади. Эта часть с выбитыми окнами меня по настоящему тревожит... Не хочется, знаешь, оказаться запертой на каком-то отстоящем холме только потому, что единственной дороге назад вдруг вздумалось развалиться на части...

Женщина как будто бы сама не замечала собственных слов – и, в частности, того, как именно она говорила со мной. С человеком, которому полчаса назад призналась чуть ли не в кровной ненависти. И... я просто не решался задуматься, какое из этих ко мне отношений было реальным, а которое проявилось лишь при помощи сильнейшего стресса.

Но... во всяком случае, всё уже не казалось таким уж безнадёжным. Нашему продвижению по особняку никто не препятствовал, а покосившиеся от времени стены потеряли изрядную долю своего угрожающего сходства с какими-то проклятыми казематами. Это был просто старый заброшенный дом – и если в нём до сих пор кто-то селился, то, наверное, лишь из страха перед другими людьми.

Впервые за долгие часы напряжения я попробовал улыбнуться. Но у меня... всё равно не получилось.

Девочки тоже держались скованно. С момента нашей встречи они не обмолвились ни словом, и, вопреки всем моим ожиданиям, даже бойкая Акира вдруг стала неотличима от своей задумчивой сестры – а в её лице я потерял жизненно необходимого и понимающего союзника, без которого находиться неподалёку от Ямато-старшей оказалось очень непросто.

Как и предсказывала вдова, идти оказалось недалеко. Преодолев последний отрезок пути, мы вышли к небольшому деревянному домику, наполовину утопленному в склоне крутого каменистого массива. Предваряемое квадратной галереей с поддерживающими двускатный козырёк деревянными опорами, небольшим двориком напротив входа и целой россыпью высоких каменных фонарей по периметру, это сооружение казалось вполне самостоятельным

и вызывало целую россыпь разнообразных впечатлений. С одной стороны, комплекс казался очевидным примером классической японской архитектуры, но с другой – его обособленность и очевидная заброшенность внушали подсознательный страх и заставляли вспоминать по очереди десятки застрявших в памяти страшных историй.

Шум дождя тут стал поистине оглушающим: потоки воды обрушивались с небес подобно крохотным снарядам, разбивались о растрескавшуюся черепицу открытого перехода и разлетались во все стороны, собираясь вновь и уходя во мрак по склонам высокого холма.

Я боялся даже представить, на какой высоте мы сейчас находились, но готов был спорить, что отсюда открывался замечательный вид на окрестности. И, наверное, в далёком прошлом те самые глубокие старцы проводили под сенью этих крыш целые часы, наслаждаясь чистотой воздуха и абсолютным спокойствием, окружающим этот отрезанный от остального особняка крохотный мирок.

Стараясь держаться узкой полосы сухих досок – под самым коньком двускатного навеса – мы медленно обогнули внутренний сад и вышли к приземистой постройке, в которой должны были располагаться местные бани. Во всяком случае, на это намекали почти стёршиеся от времени изображения паровых купелей на стенах – похожие на пару перевернутых кверху щупальцами медуз, они казались универсальным символом для всей Японии вне зависимости от расположения.

– Так вы... заглядывали внутрь?.. – я подал голос, но тут же пожалел об этом: непонятно откуда пришедшее эхо резиновым мячиком запрыгало от пола до потолка открытого перехода.

– Нет, – ответила Ямато Мэй будто бы через силу, и незамедлительно исправилась, добавила силы в голос: – Нет, мы не заходили. Не слишком далеко. Видели только раздевалки. Но оттуда явно веяло теплом.

– Ну да, – буркнул я себе под нос. – Это хороший знак...

Подумать только, они проделали весь этот путь к соседнему корпусу особняка, обнаружили купальни и тут же повернули обратно – чтобы отыскать меня. И... едва ли в принятии этого решения Ямато-старшая обошлась без указки маленькой Акиры – что, в общем, могло бы объяснить напряжённое молчание последней. Едва ли мать с дочерью обошлись без скандала в этом непростом вопросе – вдове не могла не беспокоить такая привязанность инициативной и самостоятельной дочери к малознакомому старшекласнику. И на её месте я, наверное, тоже не стеснялся бы в выражениях.

Ощувив тяжесть необоснованной вины, я решил было обратить на себя внимание Акиры, однако выделить её из двух близнецов со спины так и не смог. И, лелея эту гнетущую мысль, лишь молча проследовал за семейством Ямато внутрь небольшого домика. Тот, как и предполагалось, некогда напоминал собой сотни других бань по всей стране – только вместо приёмной стойки тут располагался большой многоярусный цветник, ныне потерявший всё своё прежнее великолепие.

Судя по тому убранству, что можно было различить в свете тётиного фонаря, здание не было электрифицировано и освещалось традиционными фонарями – их обломки до сих пор хрустели под нашими ногами – а самой современной вещью тут можно было назвать лишь одну газовую лампу времён, наверное, Второй Мировой войны.

Как и в основном здании особняка, тётя Мэй проигнорировала полочки для обуви и вышла из прихожей в грязных ботинках, оставляя за собой цепочку скользких следов.

– Не думаю, что одежду получится высушить тут, – призналась она, как ни в чём не бывало, продвигаясь всё дальше по наполненному лёгким шелестом ливня помещению. – Прежние жильцы явно не рассчитывали на приём таких вот гостей...

Следуя за вдовой буквально шаг в шаг, я быстро пришёл к тому же неутешительному выводу: здание купален, казавшееся крохотным снаружи, внутри было ещё меньше и состояло из единственного зала, опирающегося в отделённые естественной каменной стеной раздевалки.

– Надо же, пробрили помещения в твёрдой породе, – Ямато-старшая коснулась ладонью шершавого и будто бы намеренно неприкрытого камня. – На ощупь холодный. И влажный... Но не будем тратить время. Пойдёмте...

Отстранившись от тёмного природного разделителя, тётя Мэй уверенно шагнула в темноту женской раздевалки...

И я остался один в пугающей темноте, скованный нерешительностью и с единственным глупым вопросом на языке.

– Тётя?.. – позвал я, боясь повысить голос. Свет фонаря вдовы уже почти померк за бамбуковой перегородкой, и с каждой секундой мои шансы быть услышанным становились всё меньше. – Мэй! Пойдите! Я... у меня... вопрос!

– Без света не справишься? – ехидно прокричала Ямато-старшая, ничуть не смущаясь собственного присутствия.

– Я не...

– Ладно, послушай. Тут есть слуховое окно наверху. Если дотянусь – положу туда фонарь. Света будет немного, но хватит на обе раздевалки. Так что поворачивай налево и иди!..

Ориентируясь наощупь – камень разделителя действительно казался влажным, хотя и не мог таковым быть – я толкнул своё тело в сторону мужской раздевалки и тут же больно ударил пальцы о твёрдую бамбуковую преграду. Та оказалась ближе, чем я рассчитывал, и несколько шире. Обойти её оказалось непросто, зато за поворотом меня ждала своеобразная награда – крохотный конус света, бьющий из-под потолка под странным углом. В нём умещался единственный шкафчик для одежды – верхняя его часть – и небольшая полочка с выцветшими полотенцами. Некоторые из них, к моему большому облегчению, сохранились весьма неплохо и могли ещё послужить в этот раз.

– И не вздумай подглядывать! – приказ вдовы прокатился по обеим раздевалкам раскатом настоящего грома.

– Даже не собирался! – не выдержав, я тоже повысил голос.

– Тогда давай быстрее. Я поверну фонарь в сторону выхода к источнику.

Не дожидаясь моего ответа, Ямато-старшая действительно отвела свет от выбранного мною шкафчика, буквально принудив меня переместиться ближе к противоположной стене – туда, где располагалась старая двустворчатая дверь, ведущая к купальне. Она – как и всё остальное в этом корпусе – казалась почти новой и не несла на себе следов той катастрофы, что обрушилась когда-то на остальной особняк. Я как будто бы оказался на миг в самых обычных банях, пусть и со скверным освещением – и после того кошмара, что устроил мне бесконечный коридор в дальнем конце основного комплекса, эта минута тишины и спокойствия показалась поистине бесценной.

Я с облегчением скинул отяжелевшую от влаги куртку и только начал разуваться, когда услышал из-за тонкой деревянной стены звук раздвигаемых дверей – те уступили потугам Ямато-старшей не сразу, со скрипом, но всё-таки послушно разъехались в стороны, стоило той сдобрить усилия негромкой руганью. Не желая оставаться в полном одиночестве, я поспешно выскользнул из хлюпающих ботинок и начал стягивать липнущие к коже джинсы. Раздеваться в почти полной темноте оказалось довольно непросто – в основном, из-за состояния одежды – но мне-таки удалось преодолеть это испытание и двинуться к слабо освещённой желтоватой двери. Пол под ногами был не просто холодным – ледяным, но я как будто бы не замечал этого неудобства и довольно легко добрался до бамбуковой преграды. Та, в отличие от двери тётя Мэй, поддавалась моментально, и взгляду моему открылась небольшая традиционная купальня – именно такая, какую ждёшь увидеть в проверенном веками японском обиталище. Небольшой ровный участок перед купелью, предназначенный для предварительного омовения, был выложен мелкой-мелкой плиткой с нечитаемым ныне узором, а обложенный неровными камнями выход горячего источника игриво журчал и искрился в отсветах ручного фонаря. Не хватало

только расписных статуэток и фресок во всю стену – однако их запросто могла скрывать окружающая тьма.

Сделав несколько шагов в сторону от двери – к пространству, где должны были располагаться душевые смесители – я быстро пожалел о своём решении: стоило хотя бы на сантиметр отодвинуться от обрезанного светового конуса, как страх вдруг вновь начинал вступать в свои абсолютные права и давить со всех сторон сводящими с ума шорохами и скрипами. Надеюсь получить поддержку со стороны родственниц, я повернулся к разделяющей купальни бамбуковой ширме, и почти сразу же услышал из-за неё негромкий плеск воды. Тётя Мэй, нарушив очередную древнюю традицию, полезла в купальню прежде, чем отмыла тело от грязи и пота. Как будто бы из нас двоих нетерпеливым подростком была именно она – мать двоих детей... Чему она вообще могла их научить?..

Я, с досадой закусив губу, решительно шагнул во мрак и на ощупь обнаружил слева от себя гладкую поверхность стены. Провёл рукой ниже – и с лёгкостью нашёл там старинную душевую конструкцию – два крана для холодной и горячей воды, соединённые с длинным щупальцем душа. Впрочем, на горячую воду рассчитывать не приходилось – найденный наугад вентиль отозвался лишь глубинным булькающим звуком – и мне понадобилось время, чтобы собраться с силами и решиться на обливание холодной водой. Размышления заняли у меня не меньше минуты, но, сдавшись, я просто отложил смеситель в сторону. С меня и так было более чем достаточно леденящих, пронзающих будто бы насквозь дождевых струй.

Оттолкнувшись от стены, я зашлёпал босыми ногами по кафелю и вышел к слабо освещённой купели. И отсюда, от самого её борта, вдруг ощутил едва заметное дуновение ветерка и шелест того самого ливня, от которого, казалось бы, мы намеревались укрыться. Да, от самого входа этого не было видно – не хватало мощности фонарика – но бани эти были открытыми, хотя и располагались под мощным навесом, и где-то там, в противоположном конце купальни, располагался открытый вид на раскинувшиеся окрест холмы и горы.

– Ты уже в воде, Юичи? – поинтересовалась вдова, перекрикивая журчание источника. – Найди себе сразу подходящий камень! Тут температура явно выше сорока градусов, так что сердце должно быть выше уровня источника! Слышишь?

– Я знаю! – выкрикнул я, с трудом скрывая раздражение, и погрузил стопу в горячие объятия источника. Вода, как и предупреждала тётя Мэй, едва не вытолкнула мою ногу обратно – после замёрзшего пола перепад температур получился буквально оглушающим – но, сдержавшись, я перенёс точку опоры вперёд и начал постепенно заходить всё глубже. И то, что сперва показалось мне содержимым дьявольского котла, неожиданно начало дарить нотки блаженного расслабления. Тяжесть, что одолевала моё тело ещё минуту назад, постепенно отступала, и на место ей пришла приятная истома.

Добравшись до середины естественной каменистой чаши, я на несколько секунд окунулся по самый подбородок, и, позабыв об осторожности, едва не погрузился под воду с головой. Обжигающее тепло перечёркивало не только завладевшую моими мышцами зябь – оно выметало из разума все невзгоды минувшего дня, от нелепой аварии и до тех нелестных слов, что бросила мне в лицо Ямато Мэй. Как если бы в водах этого источника существовала некая волшебная сила...

Один из подводных камней, нечаянно попавшихся под руку, оказался вполне подходящим мне по размеру, и, взбравшись на него, я с удовольствием откинулся на бамбуковую стену. Просачивающийся снаружи холодок тревожил распаренную жаром кожу, но, признать, меня это почти не заботило. Казалось, что вокруг не было и не могло быть вообще ничего плохого – только разные градации тепла, уюта и удовольствия.

Набрав полную грудь воздуха и выпустив его через ноздри, я слегка покачнулся влево – и неожиданно для самого себя вскрикнул от прошедшейся по плечу боли. Неожиданная и яркая, она пришла, казалось бы, из совершенно другого мира – и принесла вслед за собой

отголоски уже знакомого мне ужаса. Подобно тем далёким неизведанным скрежещущим звукам, в голове моей начал нарастать гнетущий своей тяжестью гул. И, ведомый этим дурным предчувствием, я начал медленно поворачиваться к перегородке. Чтобы увидеть там, на её бугристой поверхности, сильно отдающие контрастом в слабом свете фонаря глубокие порезы. Неровные и рваные, они ощерились зубами бамбуковой стружки – и именно об один из этих разодранных краёв я и оцарапал ноющее плечо – судя по всему, до крови.

И тут же голову мою пронзила резкая боль – точно стрела с примотанной к древку нитью первородной злобы. Она безоговорочно заставила меня вспомнить всё, что мне так хотелось забыть – всю мою боль, весь страх и негодование, полученные от минувшей ночи, всю злобу по отношению к Ямато-старшей... И жар воды вокруг меня вдруг потерял свою недавнюю нежность – он стал колючим и злым, как и весь этот проклятый особняк, как его прошлое, настоящее и будущее.

Не в силах отвести взгляд от иззубренных царапин, я ощутил, как учащается дыхание, и как быстро разгоняется кровь в висках. Секунда, две, три – и меня накрыло волной жестокой дурноты, порождённой головокружением. Мир перед глазами расплылся, утратил прежние очертания, превращаясь в фантазмагорическую пародию на самое себя. И последним, что я успел осознать, оказалась форма порезов на бамбуковой стене – они должны были сложиться в иероглифы. В какую-то надпись. В послание, которое, в конечном итоге, так и не было дописано...

...Не знаю, сколько времени я уже провёл здесь, в крошечной темноте, силясь услышать за журчанием горячего источника приближающиеся шаги и вопли обезумевших людей. Голодные, грязные, теряющие рассудок всё сильнее с каждой секундой – они должны были искать меня. Прямо сейчас. В эту минуту.

Крепко зажмурившись, я припал к бугристой бамбуковой перегородке и попробовал отыскать зазубрины своего прощального сообщения. С каждым разом находить зарубки на стене становилось всё труднее – пальцы мои, покрываясь морщинами от горячей воды, быстро теряли в чувствительности. Казалось, я уже почти полностью потерял ориентацию в пространстве – но какое-то первобытное, звериное чутьё по-прежнему разворачивало меня лицом к выходу из горячих источников – к тому проходу, по которому вскоре должны были пронестись галдящие оравы кровожадных безумцев...

Под раздувшимися подушечками пальцев мне почудилась одна из засечек. Сложно было сказать, являлась ли она одной из тех, над которыми я провёл не меньше получаса, или же мне попался обычный расщеплённый бамбук – времени у меня уже почти не оставалось. И, прислонившись к перегородке, я медленно выудил из-под воды кулак с зажатой в нём рукоятью небольшого фамильного клинка. Изогнутое лезвие блеснуло в свете любопытной луны – и я чуть было не погрузил его обратно, испугавшись ненужного внимания. Однако, напряжение быстро взяло своё: желая занять себя хоть чем-нибудь, отвлечься от своего положения хотя бы на несколько секунд – я притянул церемониальный нож ближе к груди и принялся на ощупь выстукивать палочки порезов, перпендикулярных к найденной полосе. Движения мои явно стали быстрее, чем прежде, и растеряли былую осторожность. Кажется, я даже порезал кончики пальцев – то ли случайным движением лезвия, то ли неровным углом сотворенного иероглифа.

Негромкое постукивание вскоре заполонило всё помещения, и я с ужасом вспомнил – почему именно бросил свою задумку прежде. Память, играющая с моим сознанием в странные игры, услужливо позволила ощутить недавний холодящий страх так, словно я испытывал его впервые – и я, не выдержав стресса, торопливо погрузился под воду.

Моей мольбе о помощи – бессмысленной, жалкой и глупой – не суждено было обрести плоть. И я, проматывая в голове слова известных молитв, лишь укорял себя за испорченную

собственность Дома Нагато... Воистину, я оказался ничьёмным сыном и жалким наследником. Наверное, мне следовало просто покончить с собой, как того велел закон – в моих руках ведь находилось оружие, и подобная участь была намного лучше той, что готовили мне следователи, однако...

Однако я не был готов морально. И потому сидел в самой дальней части особняка, как последний трус, и молил богов о прощении. В полном одиночестве, отрезанный от реального мира – в доме, от фундамента до самой крыши погрязшем в пороке и крови.

Что-то коснулось моего наполовину утопленного в горячей воде плеча. Мозг отреагировал моментально, и рука моя, сжимающая кинжал, тут же рванулась вправо. Скованные объятиями источника движение получилось смазанным и неуклюжим, но удар всё-таки достиг своей цели – лезвие по самую рукоять погрузилось во что-то мягкое, и с лёгкостью повело его в сторону...

Выпустив из пальцев оружие, я издал беззвучный, но полный отчаяния крик – и с силой сжал горячее лицо ладонями. Воспоминание вновь появилось без предупреждения: теряя разум, я изо всех сил пырнул и без того уже мёртвое тело – труп брата, который получил смертельную рану в попытках защитить меня от надвигающейся смерти. Теперь он плавал тут, подле меня, превращаясь в страшное подобие себя прежнего, и довлел надо мной кошмарным предзнаменованием.

Потеряв остатки воли, сдавшись, я пополз к краю купели в рыданиях и столах. Мокрая одежда тянула меня вниз, к каменистому дну, но я ещё мог противиться этому давлению, мог двигаться вперёд – навстречу верной гибели... Как вдруг...

Гортанный вопль разорвал окружающую ночь напополам, разбил её, точно хрупкое зеркало – и разметал во все стороны. Исходящий как будто бы из глубин ледяной преисподней, он прокатился на километры окрест и тут же утонул в бешеном грохоте, лязге и звоне. Как будто бы где-то неподалёку обрушилось целое здание – и стены бани вокруг меня тоже опасно задрожали, завибрировали, проникаясь неправдоподобной силой загадочного воя. Вода вокруг меня – горячая, как никогда – в единый миг покрылась коркой льда, и тело моё, ощутив шок от резкого перепада температур, начисто отказалось повиноваться.

Теряя сознание, я начал медленно погружаться в мертвенно-холодную купель, но спасительное забытие пришло слишком поздно – я всё-таки успел разглядеть в кромешной темноте блеск её ледяных глаз... И преисполнился отчаянием такой силы, равных которой прежде не мог себе даже представить.

Сознание вернулось ко мне с яростью боксёрского удара: отозвавшись во всём теле ноющей болью, реальность с головой окунула меня в воды горячего источника и тут же бросила влево – к бамбуковой перегородке. И только налетев на неё всем телом, я всё-таки смог окончательно прийти в себя, сообразить, где именно я нахожусь – и почему.

Голова моя гудела подобно медному колоколу, а на языке ощущался привкус крови. Ноги слушались неохотно – мне с трудом удалось сохранить равновесие и не погрузиться в купель снова – но все эти неудобства меркли в сравнении с тем обезоруживающим страхом, что мне пришлось пережить всего несколько секунд назад... Но... Откуда он пришёл?.. И чем был вызван? Я пока затруднялся сказать... В голове моей не осталось воспоминаний о последних минутах – только зияющая, страшная пустота, которая определённо скрывала что-то, но я даже предположить не мог – что именно...

– Юичи?.. – с тенью беспокойства в голосе окликнула меня тётя Мэй. – Что там случилось? Ты в порядке?

– Всё нормально, – произнёс я, надеясь обуздать участившееся от стресса дыхание. – Просто... перегрелся немного...

Вдова начала говорить о чём-то ещё, но я уже не слушал. Просто сидел, уткнувшись лбом в стенку, и прислушивался к собственным ощущениям. Место, на котором я оказался, чудилось мне на удивление знакомым – хотя в окружающем полумраке сложно было отличить один подводный камень от другого – и лишь бесконечную минуту спустя, подчинившись непонятному порыву, я провёл ладонью по неровной поверхности перегородки. Чтобы с лёгкостью обнаружить неровные края порезов, расходящихся в стороны от вертикального раскола в бамбуковом стволе.

Это была та самая надпись, о которую я поранил плечо. Надпись, оставленная кем-то, кто дожидался здесь своей кошмарной участи годы, а может и десятилетия назад...

Дурнота подступила к моему горлу неожиданным порывом, и, успев закрыть рот ладонью, я вдруг представил, как подплывает ко мне из дальнего угла обезображенный, распухший труп, почти развалившийся на части в горячих водах источника и давно осквернивший их ядом своего разложения.

Тихонько вскрикнув, я дёрнулся с места и одним брезгливым скачком пересёк половину расстояния до каменистого борта купели.

Что это было?.. Откуда в моей голове взялись такие мысли?.. Что здесь произошло?!

Я смог добиться от собственного разума всего секунду на раздумья, после чего окружающая действительность взяла верх – и меня жестоко стошнило, скрутив изнутри стальными канатами.

Тётя Мэй закричала вновь – но слова её уходили мимо моего понимания.

Стараясь отползти как можно дальше от испорченного участка воды, я несколько раз терял равновесие и спотыкался. Поднимался вновь – и снова же падал. И спокойные объятия горячего источника вдруг начали казаться мне голодным зевом настоящего болота – или плотоядного чудовища, засасывающего свою жертву в ловушку из коварных зыбучих песков. Борьба с самим собой, с этими мыслями и одолевающей слабостью лишала сил – и я, по большей части, барахтался на месте, давясь слезами и пуская слюну...

Сознание вернулось ко мне без предупреждения, парализовав на месте, и я сразу же понял – что именно послужило столь сильным отрезвляющим фактором. Вода. Сорокаградусное содержимое природной купели всё более явно теряло свою прежнюю температуру тем быстрее, чем ближе я подбирался к спасительному настилу кафеля. Вскоре ноги мои начало заметно морозить, и я уже готов был, унимая беснующеся воображение, сделать последний шаг за пределы купальни, когда свет фонаря прервался, перекрыв мне путь к отступлению. Это затемнение длилось совсем недолго – не более двух секунд – однако в моей голове пронеслась как будто бы целая вечность, и я, замерев на месте соляным столпом, готов был поклясться, что свет не умер полностью – он просто не падал в том направлении, куда я смотрел.

Как если бы кто-то встал на его пути, бросив в мою сторону тяжёлую тень.

Голова моя сама собой дёрнулась вверх – животный инстинкт самосохранения заставил встретить угрозу лицом к лицу – но я потратил слишком много времени на последнюю догадку, и к моменту, когда мой испуганный взгляд поравнялся с отдалённым светочем фонарика – между нами не находилось уже никого и ничего.

Тихо-тихо заскулив от ужаса, я дёрнулся к освещённому пятну стены и прижался к нему так, словно тот мог защитить меня от любых кошмаров и опасностей.

Но кто?.. Кто мог обнаружить меня здесь?.. Один из местных жильцов?.. Или?..

– Юичи! – громоподобный возглас Ямато-старшей заглушил даже мысли в моей голове, оставив после себя противный писк в ушах. – Что произошло?!

Подтолкнув себя чуть ближе к раздевалке, я открыл было рот, чтобы ответить тёте, но слова леденели в самом моём горле, обретая форму скомканного и сдавленного сипения. Я не мог ответить...

И тут в конусе света появилась она сама. Ямато Мэй, обеспокоенная и явно недовольная. Одетая в одну только мокрую рубашку и джинсы, женщина буквально ворвалась в мужскую раздевалку – но не успела сделать и нескольких шагов, как нашла меня в целости и сохранности.

– Ты!.. – ноздри вдовы раздулись от гнева. – Ты хоть понима..? Нет... Девочки, закройте глаза! Зажмурьтесь, быстро!

Выжигающий взгляд женщины метался по моему телу сверху вниз, и я далеко не сразу сообразил, что стою в луче фонаря совершенно голый, опираясь плечом и обеими руками о стену. Только сил на большее у меня уже не оставалось – даже на то, чтобы прикрыться. И потому, выбрав наименьшее из зол, я просто соскользнул на пол.

Тётя Мэй подлетела ко мне за секунду. Схватив со шкафчиков первое же попавшееся под руку полотенце, она рухнула рядом со мной на колени и, развернувшись так, чтобы не заслонять свет, принялась обтирать меня с ног до головы.

– Что за бессмыслица!.. – пробормотала женщина себе под нос тоном, в котором удивления было значительно больше, чем гнева. – Ты же весь холодный... Словно только из реки вылез... Ты что, так и не заходил в воду?! Но нет... Нет... Ты ведь мокрый... И голый... Юичи, что случилось?.. – с этими словами Ямато-старшая обхватила мои пылающие щёки ладонями и посмотрела мне прямо в глаза – внимательно, строго и как будто бы даже испытующе. Она хотела знать, что именно здесь произошло. И я не мог больше молчать.

– Тут... – слова давались мне с трудом. – Тут кто-то был... Кто-то загорюдил собой свет...

Резко отстранившись, Ямато Мэй бросила несколько быстрых взглядов в окружающую темноту. Её лицо напряглось, а уши дёрнулись вверх, совсем как у животного, догадывающегося о присутствии охотника.

– Девочки, – вдова уже не казалась столь же уверенной, как прежде. В её голосе послышалась скрытая агрессия. – Готовьтесь собирать вещи. Мы уходим...

– А с братиком всё будет хорошо?.. – слабо поинтересовалась небольшая фигурка, стоящая на самой границе света и тьмы.

– Я устала повторять – никакой он тебе не братик! – вдова прислонила меня к стене и встала во весь рост, продолжая сверлить меня взглядом сверху вниз. – Мы выберемся отсюда – и больше никогда его не увидим. Вам понятно?!

Страх снова раздувал в женщине агрессию – в том числе и по отношению ко мне – и чем сильнее был он, тем яростнее Ямато-старшая готова была бороться со всем окружающим миром. Так она сражалась за внимание своего супруга, опасаясь потерять единственного понимающего её человека – и так же ссорилась с моими родителями, находя тысячу и одну причину для новых и новых склок.

И... Наверное, было что-то удивительное в том, как быстро женщина поверила моим словам. Как легко пожертвовала умиротворением горячего источника ради безопасности своего семейства... Ну и меня вдобавок.

Сборы заняли каких-то несколько минут, но для меня как будто минули целые сутки: мокрое, трясущееся тело отказывалось повиноваться приказам и влезать в одежду, а мир за пределами желтоватого света приобрёл оттенки молчаливой враждебности. За каждым углом мне начали мерещиться шорохи и скрипы, в далёком шелесте дождя зазвучали пугающие, нереальные голоса, а из-под потолка – в блике линзы фонарика – на меня взирал некий загадочный образ, придуманный моим же подсознанием.

Глаза!..

Я никак не мог выбросить из головы это короткое слово, эту навязчивую мысль, которую просто не с чем было связать.

Глаза... Эти глаза... Глаза...

Рассеянные вопросы и попытки разобраться в расплывчатых воспоминаниях вскоре оставили меня, оставив в голове один только заикленный на самом себе мотив – набор букв, смешавшийся в нелепом хороводе и давно потерявший своё реальное значение.

Глазаэтиглазаэтиглаза...

Свербящая боль в голове становилась всё сильнее. Она как будто бы готовилась к прорыву – намеревалась заполнить собой всё остальное тело, но привнести вместе с этим хоть какую-то ясность. И, отдавшись накачивающим спазмам, я приготовился к откровению...

Но оно не наступило. Кровь просто пульсировала в моём черепе, гоняя пронзительные вспышки боли от глаз к затылку и обратно, и где-то далеко-далеко, в другом времени и месте вновь зазвучал слабо различимый протяжный скрежет.

Резким движением потянув на себя куртку – отчего у воротника что-то неприятно затрещало – я подхватил оставленный тётёй фонарик и выскользнул вслед за ней в приёмный зал купален. Поток ровного света вырвал из темноты её фигуру – тонкую, хрупкую, но явно готовую к борьбе – и якобы невзначай скользнул из стороны в сторону, отмечая дальние углы и пустующий прямоугольник дверного проёма.

Не вымолвив ни слова, Ямато Мэй взяла дочерей за руки и потянула их к выходу. Она не стала даже забирать у меня единственный источник света – предпочла вместо этого полный контроль над обеими девочками – и это яснее любых заявлений доказывало готовность женщины к самому худшему.

Стараясь не отставать – насколько это было возможно в получившемся неудобном состоянии – я заковылял следом. Прямо через пустую прихожую, потом налево – вдова решила возвращаться по той же стороне, с которой мы пришли – и дальше вдоль небольшой зелёной зоны.

Дождь лил уже значительно, чуть ли не втрое слабее, и в подступающей со всех сторон тишине каждый скрип деревянного настила казался новым ударом грома. Не говоря уж о сбивчивом дыхании близнецов, которое, как мне казалось, могло созвать всех хищников в округе – и четвероногих, и тех, кто мог ходить по этому особняку на своих двоих. Мать, понизив голос до злого шёпота, пыталась утихомирить девочек, но те были слишком напуганы, чтобы слушаться, и слишком близки к рыданиям – чтобы притихнуть самостоятельно.

Ямато Мэй теряла терпение очень быстро: мы не дошли и до нового поворота, как её слова успокоения начали приобретать стальные нотки приказов. И, не выдержав, я рискнул отвлечь их всех – и себя самого заодно – первым, что вообще пришло в голову.

– Простите! – в полный голос проговорил я, привлекая к себе внимание остальных. Фонарик в моей руке ощутимо вздрогнул, и конус света начал беспорядочно вилять из стороны в сторону. – Я... Приношу извинения... За то, что случилось...

– Не за что извиняться, – буркнула тётя, слегка замедляя шаг. – Если ты на самом деле что-то видел – то есть кого-то...

– А если нет?.. – от одного этого вопроса в горле моём пересохло.

Ямато-старшая не ответила. Она просто обернулась через плечо и склонила голову, бросив на меня суровый взгляд исподлобья – так она обычно смотрела поверх очков, но порой позволяла себе следовать привычке даже с контактными линзами. И взгляд этот... был крайне многозначителен. Однако же вслух женщина произнесла совсем иное – не то, что держала на уме:

– Знаешь, Юичи, мне, за время, проведённое в старших классах, так и не довелось увидеть ни одного обнажённого парня-подростка. Во многом, полагаю, благодаря маминему выбору – школе для девочек – но теперь... Я могу с уверенностью сказать, что ничего не потеряла...

Конечно, я понимал, что этим неуклюжим ответвлением от темы женщина хотела взбодрить нас всех – даже близнецов, позволив им как будто бы присоединиться к «взрослому» кругу слушателей – но прозвучало это умозаключение довольно обидно.

– Но, вынуждена признать... – Ямато-старшая потянула девочек за собой к подчёркнутому красными деревянными балками навесному переходу. – Сложен ты неплохо. Сильные ноги. Баскетболом занимаешься? Или бегом? Может, боксом?..

– Плаваньем, – без особой охоты ответил я, обратив на себя завуалированное внимание дочерей Ямато. Те как будто бы ещё держались за образы перепуганных детишек, но хотя бы с меньшим рвением – девочек явно заинтересовала смена общего тона.

– Плаванье, – вдова негромко хмыкнула. – Конечно. Спорт. Состязание. Наверное, нравятся сверстницам, да?.. Приходят на тебя посмотреть?

Я скривился, не зная, как реагировать на подобные вопросы, но быстро сообразил, чем было продиктована их бессвязность: подбираясь к проложенному над пропастью деревянному тоннелю, вдова Ямато превратилась в единый комок нервов, вбирающий в себя мельчайшие крупницы внешней информации. Она поддерживала беседу автоматически, даже не думая о ней, и я невольно проникся этой осторожностью. Слишком опасным казался лежащий перед нами участок пути, слишком странным и пугающим. Здесь, на неизвестной высоте, можно было загнать нас в идеальную ловушку – засаду, из которой попросту не было выхода – а без стороннего вмешательства сам переход в любую секунду мог обрушиться вниз дождём из гниющих обломков.

– А вы?.. – задал вопрос я, борясь с дрожью в голосе. – Посещали какой-нибудь кружок?.. Или клуб?..

– Традиционные танцы, – односложно отозвалась Мэй, с осторожностью продвигаясь вперёд.

Я определённо мог представить себе миниатюрную Ямато Мэй в юности, совершающую изящные пассы руками под брэнчание старомодного инструмента – но образ этой остроносой, смешной девочки со смолисто-чёрными волосами и торчащей прямой чёлкой мало сочетался с обликом моей угрюмой собеседницы. И дело было даже не в возрасте – годы едва ли сильно сказались на щуплом тельце моей безрадостной тётушки – но в чём-то глубинном, загадочном и совершенно для меня непонятном.

– Ну... а что до вас?.. – я обратился к близнецам, рискуя вызвать агрессивный отпор их матери. – Вы уже куда-нибудь записались? Или нет?..

Поначалу девочки как будто бы даже не слышали меня и моих слов – просто брели вперёд, понунив головы – но несколько секунд спустя одна из них, наверное, Акира, взялась легонько теребить мамин рукав. И, обратив на себя внимание последней, изобразила какую-то жалостливую гримасу. Немой диалог продолжался недолго: чуть обернувшись на ходу, Акира посмотрела на меня с каким-то неопределённым выражением на лице и негромко призналась:

– Я хочу быть фотографом. Хочу в клуб фотографии. Но у нас в школе его нет почему-то... Говорят, не хватает средств на содержание...

– Поразительно! – наигранно возмутился я, желая поддержать девочку. – Мне казалось, в каждой школе просто обязан быть такой кружок! Все любят фотографии! И я бы с радостью посмотрел на те, что сделала бы ты! Так что когда вернёмся – немедленно пойдём...

Я запнулся. И чуть было не замер на одном месте, вслушиваясь в эхо, гуляющее внутри моей же головы. «Когда вернёмся», – произнёс я с завидной лёгкостью и уверенностью. Как будто бы мы уже были дома, в нескольких шагах от порога. «Когда вернёмся»...

Признаться, мне стоило больших усилий не исправить собственную оговорку вслух. Не произнести при девочках «если вернёмся» вместо того, что обронил сходу. Но Мэй... Она поняла меня без слов. Потому что чувствовала нечто схожее – то же глубинное отчаяние, продиктованное не столько окружающей реальностью, сколь каким-то необъяснимым, пугающим предчувствием.

Отступивший было стресс накатил новой волной – ещё более мощной, чем прежде – и я принялся пугливо водить фонариком из стороны в сторону, пока не осознал, что непостоянство

теней и бешеные отблески в оконных стёклах порождали дурных видений куда больше, чем стабильная, безразличная тьма.

– Ненавидела я свою школу, – проговорила Мэй, ускоряя шаг. – И скорее съела бы миллион иголок, чем отдала в неё своих девочек.

Даже осознавая всю тщетность таких попыток, женщина продолжала вести подобие непринуждённой беседы. Она хотела подтолкнуть меня к ответу, помочь всем и сразу – но я не смог выдать из себя и слова. Просто мотнул конусом света слева направо – так, словно отрицательно качал головой – к явному неудовольствию тёти. Та, агрессивно вжав голову в плечи, всем своим видом давала понять: я совершил большую ошибку, отказавшись поддерживать её разговором.

Неужто тётя не понимала, чего мне стоило идти позади них в полном одиночестве – пусть и с единственным источником света?.. Неужели она считала, что я, единожды подав голос, сумею сохранить боевой настрой и впредь?.. Всё это было слишком сложно для одного человека. Для меня. И... я слабо верил в то, что иной на моём месте смог бы проявить себя лучше.

Дождь, излив последние капли горечи, прекратился совсем. За хрупкими стенами перехода остался только шум безумствующего ветра – но легче от этого не становилось: могло показаться, что вся конструкция стонет и качается под давлением мечущегося воздуха, а пол словно бы пружинил синхронно с его продолжительными ударами.

Измученный и слабый, я заставил себя не смотреть по сторонам, не слушать протяжных завываний снаружи и не думать о том, что может случиться с нами в худшем из возможных вариантов. Просто шёл вперёд, чеканя шаги, словно метроном – абстрактный такт, и заставлял себя вспоминать слова какой-то бессмысленной песенки, что звучала вчера по телевизору. Там ещё была девочка-певица... роскошная, с волосами цвета пшеничного поля – крашенными, конечно – и огромными, прекрасными глазами...

Глазами...

Вздрогнув, я чуть было не выпустил из пальцев лёгкий корпус фонарика. Тот удержался лишь чудом – прочный кожаный ремешок зацепился за кнопку на рукаве моей куртки – но всё-таки ощутимо качнулся вниз, заставив всю нашу процессию замереть на одном месте.

Свирепо выдохнув, Ямато-старшая повернулась ко мне и одним решительным движением потянула фонарь к себе. Мгновение – и я остался с пустыми руками в самом центре голодной черноты. Без возможности вернуть бесповоротно утраченное доверие.

В гробовом молчании – но хотя бы без душераздирающих всхлипов Акиры и Акеми – мы добрались до памятной секции с выбитыми наружу стёклами. Минуя жестоко продуваемые ветром оконные проёмы, Ямато-старшая совершила несколько осторожных шагов из стороны в сторону: слегка отклоняясь от основного вектора, она чуть подсвечивала внешнее пространство перехода, надеясь, попоже, хотя бы приблизительно сориентироваться в его расположении. Тщетно.

На этот раз дорога показалась мне куда короче, чем раньше: гротескные углы обвалившейся секции показались из темноты неожиданно, и только сейчас – без грохота дождя по сложенной внутрь крыше – я осознал, как же сильно и как надрывно скрипят под ногами доски настила. Казалось, что с каждым шагом конструкция прогибается под моим весом всё сильнее, и вот-вот уже наступит некий критический порог, за которым меня ждало лишь долгое падение среди расщепленных обломков.

Кажется, тётю накатившая тишина тоже не особенно воодушевляла: ускорившись, она с кошачьей осторожностью поднырнула под громаду разбухших от влаги балок и утянула за собой обеих девочек. Я же, на мгновение оказавшись в полной темноте, содрогнулся всем телом, но всё-таки заставил себя выждать несколько секунд, чтобы не послужить дополнительной массой на этом самом рискованном участке пути.

Мысленно досчитав до десяти – пришлось зажмуриться, чтобы не впускать в голову страхи окружающего мира – я на ощупь отыскал нужный лаз и пробрался по нему к противоположному концу завала. Неприятность настигла в последнее мгновение, приняв форму острого деревянного обломка: появившись буквально из пустоты, тот чиркнул по моей щеке неприятно обжигающей полосой. Дёрнувшись от боли, я инстинктивно ушёл вверх, и отведавший моей крови шип с удвоенной охотой скользнул по моему отставленному назад левому плечу. К счастью, кожу он почти не задел – досталось только куртке. Она крепко засела в колючих зазубринах обломка и попросту приковала меня к одному месту.

– Ну же! – поторопила меня Мэй, встав в пол-оборота. Лампочка её фонарика гарцевала из стороны в сторону – с моего растерянного лица на пол уходящего вдаль коридора.

Я пробовал податься назад, чтобы вытащить из одежды громоздкую занозу, но та держалась с какой-то осмысленной яростью, и, запаниковав, не желая больше терять ни секунды, я просто рванулся вперёд – и тут же врезался в стену, сбитый с ног упрямым деревянным якорем. Материя куртки затрещала, недовольно потянувшись – однако не разорвалась, и меня просто отпружинило назад на добрых полметра.

– Юичи! – тётин голос дрогнул. – Ты что делаешь?.. Тут всю конструкцию повело... Пол под ногами шатается!

Прильнув к обломанной балке, я прижал надорванный кусок ткани ладонью к плечу и сделал несколько сдержанных рывков по сторонам.

Доски под моими ногами как-то неприятно закрипели.

Застонав, я уже готов был выскользнуть из куртки, как вдруг ткань, наконец, поддалась, и меня охватило неожиданное ощущение полной свободы. Насколько полной она могла быть в узком промежутке меж тяжелейшими конструкциями крыши и доживающей свои последние годы – если не месяцы – кренящейся стены.

Последний рывок – и я оказался на расстоянии вытянутой руки от томящегося в ожидании семейства Ямато. Акеми в тот момент была очень похожа на мать – смотрела на меня исподлобья со смешанными впечатлениями облегчения и негодующей тревоги, но вот Акира... Она как будто бы до последнего мгновения оставалась на моей стороне – и не испытала ничего, кроме радости за моё освобождение.

– В следующий раз я просто брошу тебя!.. – несдержанно сплюнула Мэй, кажется, намереваясь добавить что-то ещё – но тут же взяла себя в руки и просто повернулась ко мне спиной.

– А куда мы идём вообще? – прямо спросил я с ответной агрессией в тоне, не желая оставаться безропотной мишенью для ругани.

– Не знаю, – вдова слишком легко признала свою беспомощность, поставив меня тем самым в крайне неловкое положение. Давить на неё дальше просто не было смысла. – Я... Я серьёзно не представляю, что и как здесь расположено! Так что мы... Нам... Наверное, лучше всего будет просто подняться на второй этаж и поискать там убежище до утра...

Утро... Я ждал его, как благословенного спасения от всех возможных бед – но, чем больше времени мы проводили в чертогах благородной обители, тем более далёким казался восход утреннего солнца, и тем удушливее становилась окружающая ночь.

И всё же... второй этаж... Отчего-то одна мысль о нём навевала на меня тревогу... Точнее, усиливало тот неизбывный страх, что преследовал меня от самых купален – страх, не имеющий никакого отношения к переживаниям минувшей ночи и тянувшийся как будто бы из далёкого прошлого. С тех самых времён, когда дерево местных настилов ещё попиралось стопами истинных хозяев деревни.

Я уже открыл рот, чтобы оспорить тётино решение, как вдруг на память сам собой пришёл скрежет, доносившийся из дальней части именно этого, первого этажа. И невысказанные слова сами собой умерли на языке.

Пройдя обратной дорогой до самого банкетного зала, мы замерли на секунду – вид умирающих свечек, озаряющих переполненные столы, приковывал взгляд и создавал неприятный холодок вверху живота – и тут же двинулись дальше. Даже если кому-то ещё и хотелось есть, то не сильнее, чем убраться из этого проклятого места.

Перекрёсток встретил нас прежней многогранной тишиной, которая, лишившись рассеянной поддержки ливня снаружи, начала казаться ещё более жуткой.

Мэй уверенно повернула налево – в том направлении, откуда мы пришли – и тут же замедлила шаг. Её рука с фонарём, до того беспокойно скользившая слева направо, быстро качнулась в сторону и замерла параллельно полу.

Я ещё не завернул за угол, но отражение в стекле, выходящем во внутренний двор, позволило разглядеть смутившую Мэй перемену: по левую руку от женщины, на расстоянии метра от поворота, зиял прямоугольный входной проём. Две пары раздвижных деревянных дверей, перекрывавших его от пола до потолка, были уведены к центру полозьев и преграждали проход посередине.

– Этого ведь не было тут раньше?.. – поинтересовался я, подходя ближе и заглядывая в открывающееся взгляду новое помещение.

– Мне казалось, тут была сплошная стена, – промолвила Мэй, переминаясь с ноги на ногу. – Она выглядела цельной... То есть... я никогда не сказала бы, что тут может быть скользящая дверь...

– А что внутри?

– Войти хочешь? – вдова недружелюбно хмыкнула, уступая мне дорогу. – Вперёд. Держать не буду.

Ответив тёте скептическим взглядом, я посмотрел вглубь новооткрытой темноты и не нашёл там ничего необычного: свет фонаря спокойно гулял по дорожному настилу пола, не встречая никаких препятствий и заметных деталей. Складывалось впечатление, что здесь, напротив внутреннего двора, располагалось какое-то громадное, но совершенно пустое помещение вроде спортивного зала или тренировочной площадки для различных единоборств.

Потеряв интерес к однообразному полу, Ямато-старшая посветила на стену – но и там не нашлось ничего интересного. Не было даже традиционных свитков с каллиграфическими изысканиями владельцев и высокопарными цитатами из прошлого – только плотно посаженные деревянные рейки, упирающиеся в массив высоко поднятого потолка.

– Зал для собраний, полагаю, – высказала догадку тётя, снова трогаясь с места. – Не могу понять, что там, у дальней стены – но вряд ли что-то интересное. Просто пустая комната...

– Открывшаяся сама собой, – беспокойно подсказал я.

– У этого может быть сотня объяснений! – женщина снова потеряла контроль над собой, повернулась ко мне и пылающим взглядом указала на девочек.

«Не вздумай пугать их!», – говорила Ямато Мэй всем своим видом. «Только попробуй снова посеять панику – и тебе точно конец!».

Потупив взор, я отступил от общинного зала и постарался не смотреть больше в его сторону. Однако, нервирующий, сводящий с ума вопрос сорвался с моих уст сам собой – прежде, чем я успел закрыть рот ладонью:

– Но всё же... Зачем тут этот огромный зал?.. В нём же сотню человек разместить можно... Кто вообще мог додуматься...

– Кто?! – возглас вдовы грохнул револьверным выстрелом, и единственное её слово, точно тяжёлая пуля, в клочья разнесла мою неуверенную реплику. – Я! Ты! Кто угодно! Нет ничего удивительного в том, что местные жители принимали у себя гостей!

– Но для них ведь есть то помещение, со столами и...

Нервно топнув ногой, Мэй внезапно развернулась на каблуке – свет фонаря при этом скользнул по моему лицу, сбивая с толку – и одним широким шагом преодолела разделявшее нас расстояние. Пальцы женщины – тонкие, дрожащие, но даже при этом не теряющие паразитической силы – вцепились в ворот моей куртки, и я вдруг почувствовал скрытую мощь злого взгляда в упор, коим одарила меня разъярённая тётя. Ей не потребовалось даже подсвечивать себя фонариком – эманации чистого раздражения выжигали узоры на моём лице и так, в крошечном мраке.

– Чтобы я ни слова больше не слышала от тебя! – процедила женщина сквозь зубы, и древний особняк моментально отреагировал на её эмоции, заскрежетал старыми досками, завыл далёкими порывами ветра. – Ни слова, понял?! Думаешь, я сама ничего не вижу? – добавила она уже тише, но с прежней агрессией. – Думаешь, не понимаю?.. В каком вымышленном мире ты вообще живёшь, если позволяешь себе помыслить, будто человек, проживший вдвое больше твоего, вдруг пропустит какую-то важную деталь или позволит себя одурачить?! Нет, дорогой племянник, мой мозг работает не хуже твоего! Так что возьми себя в руки, тряпка, и выключи режим сыщика. Мы должны заботиться о тех, кто младше нас. Понял?!

Последние слова вдова прошипела мне в самое ухо, и, стоило только её обжигающему дыханию оборваться, как удерживающая моё горло сила тут же рассеялась, и выровнявшийся конус искусственного света вернулся к своему первоначальному направлению. Несколько секунд – и всё осталось позади. Мучительно долгие, неприятные мгновения, оставившие после себя лишь весомый осадок стыда и растерянности.

Собравшись с мыслями, я поёжился и пошёл вслед за тётей к показавшейся из черноты громады лестничного массива.

Лестница – слишком большая, слишком громоздкая, чтобы уместиться в нашем ручном конусе света – казалась чересчур внушительной для окружающей обстановки и, наверное, какой-нибудь роскошной гостинице подошла бы куда вернее, нежели самому богатому из жилых домов. Ступени, теряющиеся во мраке, были широки даже для небольшой группки людей, вроде нашей, и вызывали неприятное ощущение агорафобии – боязни огромного открытого пространства, к которой ранее не могли подтолкнуть ни отрезанная от остального мира верхушка скалы с купальнями, ни даже открытый всем ветрам надземный переход.

Стараясь не смотреть по сторонам – только себе под ноги и изредка на перила – я поднимался всё выше и выше, полагая, что пролёт должен бы рано или поздно закончиться – но тот упрямо устремлялся вверх, игнорируя усталость и боль в моих ногах. И даже долгожданная широкая площадка появилась как будто бы внезапно – просто нога моя, в очередной раз занесённая для высокого шага, неуклюже обрушилась вниз, стукнувшись о гладкое дерево пола.

Могучая лестница поворачивала на этом участке и уходила выше в обратном направлении, давая понять, что перед взглядами нашими предстало не более чем зажатое меж этажами помещение – однако тётя Мэй не спешила поворачивать и продолжать путь наверх. Она как зачарованная покачивалась на одном месте, прильнув к перилам слева от себя, и медленно светила фонариком из стороны в сторону без конкретной цели и какого-либо смысла.

Не желая лишней раз тревожить женщину, я вышел немного вперёд и попробовал взглянуть в темноту напротив себя. Там, за пологом мрака, виднелось подобие невысокой арки, открывающей проход в соседние помещения – но я совершенно не мог взять в толк, что именно могло располагаться там, на этом уровне. Насколько я знал, подобная конструкция шла вразрез с архитектурными принципами прошлого и сама по себе выглядела довольно странно – ведь если соседняя пристройка находилась между уровнями основных этажей, то что же могло служить её основанием?.. После того, что мне *уже* привиделось в этом странном доме – я начал относиться с куда большим опасением к новоявленным открытиям.

Я отвернулся от манящей загадками темноты и снова обратил внимание на Мэй. Та, с трудом отходя от своего непонятного транса, начала медленно продвигаться дальше по лестничной площадке – хотя внимание её до сих пор было приковано к одному участку перил. Проникнувшись любопытством, я аккуратно подошёл ближе, но увидел там, на дорогом дереве, одну лишь серию бессвязных засечек... В них не было видно особого смысла и ритма – только хаотичный разброс. Однако на границе памяти моей при виде этих непонятных царапин как будто бы зазвенел маленький колокольчик узнавания...

Внезапно вернувшись к жизни, Ямато-старшая шумно втянула ртом воздух и, чуть не падая, качнулась в мою сторону. Оторвавшись от раздумий, я тут же двинулся навстречу женщине, чтобы подхватить её – но та мгновенно вернула себе контроль над ситуацией и чудом удержала равновесие.

Окинув тёмное помещение ошеломлённым взглядом, вдова прочистила горло кашлем так, словно не говорила уже целую вечность, и с выражением непонятной тревоги на лице промолвила:

– Плотина... – и тут же вступила в диалог с самой собой. – Какая плотина?.. При чём тут?.. Аки... Ами?.. Что это было? Юичи?..

«Аки» и «Ами»?.. Впервые я слышал, чтобы Ямато-старшая называла своих дочерей так... И это обращение ко мне... В нём было больше растерянности, чем раздражения или недовольства – впервые за время нашего знакомства.

Не дождавшись ответов – я даже не представлял, чем можно было отреагировать на слова женщины – Мэй просто с силой провела по лицу ладонью и, борясь с трясущимися коленями, двинулась ко второму пролёту исполинской лестницы.

Я поднимался за ней с тяжёлым сердцем – простое слово, произнесённое вдовой после пробуждения от транса, засело в моём сознании и не желало так просто покидать его. Вышагивая по крутым ступеням, я только и думал, что об упомянутой плотине – вспоминал мельком виденные карты местности, рассказы взрослых о бурной реке и опасных порогах... Перерыл все кладовые памяти – но так и не смог найти ни единой зацепки. Ничего, что намекало бы на существование какой-либо плотины на много километров окрест. Но... значило ли это, что галлюцинация Мэй – чем бы она ни была – не имела отношения к реальности?.. Признаться, мне очень хотелось в это верить – ведь с нас и так уже было достаточно догадок, и каждая новая как будто бы отдаляла меня от прежней, реальной и простой жизни. Казалось, ещё несколько часов этого кошмара – и я окончательно потеряю связь со своим прошлым. Со школой, с друзьями... с тем, во что можно было верить.

Мне было страшно. И становилось только страшнее с каждым новым шагом, с каждой ступенью устремляющейся в черноту лестницы.

Но, в отличие от срединной площадки, второй этаж возник именно тогда, когда его ждали больше всего... И в единый миг, просто переступив через последнюю ступень – мы вдруг оказались в совершенно ином месте и времени. Снаружи этого не было видно, но весь верхний блок особняка представлял собой старинный дом времён создания деревни – с чудом сохранившимися бумажными створами окон, с тончайшими скользящими перегородками-дверьми и пронзающим насквозь изыском древности.

Мы были заморожены. С первого же шага в небольшой зал, прилегающий к угловой секции коридора, я почувствовал себя путешественником во времени, забредшим в самый утончённый из периодов японской истории – и буквально влюбился в тот неброский колорит, коим дышало окружающее меня пространство. И если оставленный позади первый этаж напоминал классическое жильё начала восьмидесятых-девяностых годов, то этот уровень – против всякой логики – как будто бы существовал тут всегда...

Промедлив секунду-другую, Ямато-старшая принялась ходить из стороны в сторону, точно турист на музейной экспозиции: освещая обступающий нас мрак фонариком, она про-

шла вдоль стены по левую руку от себя, бережно коснулась выцветших узоров на бумаге, оплетающей бамбуковый каркас рамы; приникла к растрескавшейся вазе, некогда содержавшей небольшое ухоженное деревце; задержалась у выемки в стене, украшенной полотном неизвестного мастера – почти не истлевшим, в сравнении со всем убранством нижнего уровня.

– Почти как мы с вами сегодня, – негромко произнесла Мэй, указывая на картину, изображающую одинокого рыбака, стоящего по пояс в бурной воде. – Только он на такое решился сознательно...

– А почему он не ловит с берега?.. – поинтересовалась Акира, подходя ближе к картине. – Или с лодки?.. Так же очень холодно и трудно, наверное...

– Да уж, – Ямато-старшая кивнула. – Очень трудно... И, наверное, так у них тогда было принято... Это же рыбацкая деревня, и она тут была задолго до вашего рождения...

– И до рождения Юичи?

– Даже до моего, – вдова с тусклой улыбкой потрепала дочь по волосам.

Рыбацкая деревня, стоявшая на этих камнях долгое, долгое – не меньше сотни-другой лет – время. Место, отрезанное от остального мира. Самодостаточное, независимое, верное древним традициям... Что же могло здесь случиться? Что разом опустошило целое поселение, оставив лишь слабые следы человеческого присутствия?

– Странно, – хрипло произнесла Мэй, отшатываясь от стены.

С трудом сохраняя равновесие, она шагнула вбок и неуклюже осветила прилегающий к комнате коридор – тот выходил во внутренний двор, переходя в массивную полосу закрытого бамбуковыми створками балкона.

– Что странно?.. – тут же поинтересовалась Акира, бросая торопливые взгляды на изъеденные рваными пятнами бумажные квадраты, вздымающиеся от борта балкона до самого потолка.

– Нет, ничего. Показалось, – промолвила женщина, сясь сделать ещё один шаг, но ноги её дрожали всё сильнее, и близок был момент их полной капитуляции под весом пусть хрупкого, но отнюдь не пухового тела.

Не задумываясь о последствиях, я спокойным шагом приблизился к женщине и якобы невзначай – чтобы не беспокоить девочек – встал чуть впереди и слева от неё, подставляя плечо. Мэй, к моему огромному облегчению, отреагировала незамедлительно – осторожно ухватила за мою руку чуть выше локтя, не желая продемонстрировать полную меру своего бессилия, но и не отказываясь от помощи.

Такой странной процессией мы и двинулись дальше в поисках укрытия. По коридорам второго этажа свободно гулял ветер – незастеклённые окна и ставни оставляли ему знатный простор для манёвров – и в его навязчивом присутствии сам воздух начал казаться непривычно холодным и как будто бы даже живым.

Взяв на себя ведущую роль, я без тени сомнения свернул направо и повёл своих спутниц тем путём, что привёл нас к трапезному залу этажом ниже: расположение комнат в этом крыле было мне как минимум знакомо, и я представлял, чего следовало ожидать. Хотя бы приблизительно.

Луч тётиного фонаря гулял из стороны в сторону, заставляя меня переживать куда сильнее, чем в тесных клетушках первого этажа: то и дело выползающие из-за опор провалы балкона каждый раз пугали порывами ледяного ветра и беспокойным грохотом гуляющих ставен – тот доносился словно бы отовсюду разом и ниоткуда в частности – а ноющий скрип старинной конструкции заставлял вымерять шаги с ювелирной точностью. Казалось, стоило хотя бы на секунду отвлечься, ступить мимо верного участка – и весь массив этажа моментально рассыплется в пыль.

Я постарался не смотреть по сторонам и просто пошёл вперёд. Прямо по широкой деревянной ленте, отделяющей одну развилку от другой. Расстояние, время, усталость – я заставил

себя забыть обо всём этом, надеясь, что решение всех проблем обнаружится само собой. И... Ответ на мои мольбы не заставил себя долго ждать.

Пройдя всю длину парковой зоны, мы, наконец, вышли к тёмному и пугающе простому перекрёстку. Тот был столь неказист и тёмн, что я уже готов был проклясть самого себя за выбор неверного маршрута, как вдруг почувствовал усиливающееся давление пальцев тёти Мэй.

– Я как будто бы узнаю это место, – с трудом произнесла женщина, противясь накатывающим вместе с головной болью воспоминаниям. – Как будто бы видела его... Там... На лестнице...

На лестнице?.. Или, может быть, с лестницы?.. Впрочем, смысла не имела ни одна из этих словестных конструкций!..

– Слева, – промолвила тётя без малейшей уверенности. – Они... пришли... слева?.. Те, кто попытался меня остановить... Меня?.. Или...

Вдова определённо бредила. И чем больше времени мы проводили вот так, на своих двоих – тем хуже становилось её состояние, тем быстрее уходили силы из миниатюрного тельца, и тем сложнее нам было сохранять иллюзию контроля над ситуацией. Нужно было действовать решительно – и я, восприняв растерянный тон Ямато-старшей за подсказку, решил последовать пути действующего лица галлюцинации: потянул Мэй за собой направо, в сторону от неведомых перехватчиков. К той самой зоне, где, уровнем ниже, должен был располагаться обеденный зал.

– Сюда... – тётя говорила уже полушёпотом, едва слышно. – Они не... Не решатся пойти следом... Не смогут... Им нельзя.

Я не успел даже сообразить, как и когда Акира оказалась рядом. Подхватив мать с противоположной стороны, поддержав её крохотным плечиком, девочка легко высвободила рукоять фонарика из обессилевших пальцев вдовы и бережно передала его мне.

Обмякая в наших с Акирой руках, Ямато Мэй успела просипеть лишь одно слово. То самое, что поставило меня в тупик несколько минут назад.

«Плотина!..»

Шумным комом из ног, голов и мелькающих ладоней мы преодолели последний отрезок пути и, почти случайно обнаружив полуприкрытый пластиной двери проём, ввалились в какое-то тесное, мрачное помещение без каких-либо украшений и видимых деталей. Единственным, что сразу бросилось в глаза, была истлевшая ширма с нечитаемым символом, превратившимся от старости в россыпь измазанных пятен. В иной раз я побрезговал бы даже подойти к этой распадающейся под собственным весом тряпке, но обстоятельства заставляли действовать решительно: чуть ослабив хватку на талии Мэй, я отступил вглубь комнаты и отодвинул кончиком фонаря полог ветхой ткани. И тут же обнаружил в каком-то метре за ним точно такую же преграду – чуть менее истрёпанную, но всё равно вызывающую лишь глубокую неприязнь. Картинка на этой – второй – ширме тоже казалась испорченной, но теперь на застывшем вне времени полотне можно было различить едва заметные следы человеческих трудов: герб Дома как будто бы измазали грязью, и кое-где он был затёрт до полной неузнаваемости.

Осторожно протаскивая тётю сквозь тяжёлые объятия старой ткани – отодвигать ширму я не решился, слишком велик был риск быть под ней погребённым – мы с Акирой без лишних слов прислонили вдову к стене и взяли минуту передышки.

Стараясь не отходить от семейства Ямато слишком далеко, я придвинулся ко второй занавеси и бережливо развёл её края в стороны. И... луч света, исходящий из моей ладони, упёрся в очередное препятствие из ткани. Третье по счёту и – по моим догадкам – едва ли последнее. Интересно, как далеко тянулась эта комната вдоль коридора, и для чего могла предназначаться?..

Я быстро вернулся к тётке Мэй и вновь взял её под руку. Акеми если и начала понимать, что мама её близка к обмороку – то не подавала вида, и мы с Акирой смогли продолжить путь без лишних проблем. Молча миновали вторую ширму. Третью. Подошли к четвёртой – самой целой из всех – и только тогда Ямато-старшая вновь принялась бормотать что-то в полубессознательном бреду.

– Всё будет хорошо, – зачем-то произнёс я, глядя в одну точку перед собой. – Мы в безопасности... Тут нас никто не найдёт. Мы просто дождёмся утра и...

– А что, н-нас к-кто-то может искать?! – Акеми подавала голос впервые за последние часы, и я моментально почувствовал ту пропасть, что лежала меж нею и её сестрой. – Ю... Юичи... Это правда?..

– Он просто для примера сказал! – шикнула на близнеца Акира. – Но если будешь так каждой глупости бояться – то непременно кто-нибудь придёт и съест тебя! Так что будь уже взрослой, как мы с Юичи. Хорошо?..

Акеми не ответила. Я очень надеялся, что она просто кивнула сдавившей нас темноте, но вперёд двинулся с тяжёлым грузом на сердце. Последняя ширма... Её от предыдущей, казалось, разделяло несколько большее расстояние, и пол в этой части помещения казался каким-то другим, чуть более ухоженным что ли.

Не дав мне собраться с мыслями, Акира маленькой лисичкой юркнула вперёд и с силой оттолкнула свешенные с гардин тканевые крылья в стороны, открыв нашему взору то, что некогда являлось приёмными покоями главы этого Дома – невысокий постамент, спрятанный за тонкой бамбуковой занавеской и окружённый множеством круглобоких металлических ваз. Небольшое – как могло показаться сначала – пространство как будто бы расступалось перед этим величественным деревянным возвышением, и стены по сторонам от меня вдруг потеряли свою удушающую навязчивость.

Я не знал, каким целям служили эти палаты – принимал ли в них глава Дома нуждающихся, или же просто коротал вечера в тумане расслабляющих благовоний – но выглядели они достаточно неплохо. Для части дома, уже почти уступившего влиянию стихий и времени.

Наверное, здесь даже можно было остановиться для ночлега.

Акира, вновь продемонстрировав завидную находчивость, метнулась по направлению светового конуса и в мгновение ока осмотрела скрытый от взглядов закуток с постаментом. Силуэт девочки, мгновение назад дублирующий страшную тенью на деревянном полотнище занавеси, неведомо как оказался по обратную сторону от последней и замелькал там, точно герой из детских мультфильмов.

Стараясь обеспечить находчивой спутнице наилучшее освещение, я обошёл святая святых особняка со стороны – но в этом как будто бы уже не было необходимости: выскользнув из-под бамбукового экрана, призванного скрывать лицо главы Дома от посторонних, Акира оказалась рядом со мной и матерью. Всем своим видом девочка давала понять, что лучшего места для привала нам не найти, однако слова прочно застряли в груди ребёнка, стиснутые страхом, и тут уж не мне было её судить.

Освещая дорожку, я попытался протолкнуть занавесь внутрь закрытых покоев – но моментально натолкнулся на преграду из двух деревянных колонн, возвышающихся по сторонам от постамента – и потому был вынужден оттянуть преграду на себя, чтобы открыть девочкам больше пространства для манёвров. Безмолвно скооперировавшись, те помогли Ямато-старшей взобраться на хозяйское возвышение – достаточно широкое, чтобы вместить всех нас – и всё, наверное, прошло бы очень легко быстро, не окажись Акеми самой собой. Совершая массу ненужных движений, постоянно оглядываясь по сторонам и бросая в мою сторону полные ужаса взгляды, она не только не помогала сестре, но порой даже мешала ей, оттягивая руку матери назад или теряя равновесие на ровном месте.

Моя рука уже начинала затекать, когда девочки всё-таки справились со своей задачей. Уложив Мэй по центру постамента, они уселись по обеим сторонам от неё и как по команде вцепились в рукава её куртки своими крохотными пальчиками.

Оставив свой неприятный пост, я последовал за близнецами. Занавесь, лишившись поддержки, негромко хлопнула по колоннам за моей спиной, и уже через миг после этого наш тёмный закуток погрузился в настоящую, неподдельную тишину. В ней можно было различить каждый тишайший вздох любой из сестёр, каждый скрип половицы под их коленями... На самом краю восприятия мне даже почудились частые удары сердца Ямато Мэй – но тут, наверное, надо мной просто издевалось воображение вкупе с обременяющим, проникшим в каждый сустав и каждую косточку страхом.

Стараясь совершать минимум движений – шорох рваной куртки казался неправдоподобно, неприятно громким – я поводел фонариком из стороны в сторону, но не нашёл ничего принципиально нового. Как и всё помещение до него, тупичок этот казался весьма простым и скромным. В нём не было следов того величественного наследия, что встретили мы, ступив с широкой лестницы, и даже курильницы для благовоний не казались такой уж старинной редкостью. От подушек, на которых некогда восседали главы Дома, не осталось даже намёка – постамент был гол и пуст – а многочисленные украшения из бумаги и ткани в большинстве своём покоились на полу, снедаемые беспощадным тленом.

– А мама... умрёт?... – голосок Акеми, хрупкий, едва слышный, похожий на шелест осеннего ветерка заставил меня вздрогнуть от неожиданности. – То есть... мы все?..

– Да что ты несёшь! – пискнула Акира, борясь одновременно и с прежними страхами, и с тем новообретённым, созданным неуместными догадками сестрёнки-близнеца. – Не будет этого! Никто не умрёт!.. Ведь так, Юичи?..

– Тётя... Мэй просто устала, – подтвердил я, стараясь не смотреть в сторону девочек. – Она ведь машину вела... А потом столько сил потратила, чтобы нас всех провести по дому... – Вот именно! – снова взяла инициативу на себя Акира. – Так что... просто доверься нам! Юичи защитит и её, и... и нас с тобой!

– Тётя... Мэй просто устала, – подтвердил я, стараясь не смотреть в сторону девочек. – Она ведь машину вела... А потом столько сил потратила, чтобы нас всех провести по дому... – Вот именно! – снова взяла инициативу на себя Акира. – Так что... просто доверься нам! Юичи защитит и её, и... и нас с тобой!

Я не смог сдержать нервного выдоха. Девочка сбросила всю ответственность на меня с такой уверенной лёгкостью, что сделалось просто не по себе. Она ведь почти не знала меня – то есть не в таких ситуациях, не при нынешних обстоятельствах – но всё равно готова была верить мне – мне! – заботу об их общей безопасности?.. Притом, что я сам в себе не был уверен даже на десятую долю процента?..

Зачем Акеми вообще подала голос... Зачем покинула свой крохотный, безопасный мирок?!

Вознамерившись занять себя хотя бы действием, я поискал над собой подходящий уступ или поверхность, на которой можно было бы оставить фонарь, но окружающие нас колонны – четыре шеста из красного дерева, средней толщины – пусть и были плотно оплетены истрепавшимися нитями, но всё равно оставались слишком ровными для моих целей. Тогда я переключился на стены священных палат – с тем же результатом. Казалось, приёмная владыки Дома состояла из одних только прямых линий, без резких переходов... за исключением, может быть...

Подивившись собственной простоте – самое очевидное решение посетило меня напоследок, словно бы в насмешку за все предыдущие попытки – я подался в сторону, чуть шагнул с постамента, и придвинул ближе тяжёлую чашу-курильницу. Фонарь отлично лёг на край её поверхности, и убежище наше оказалось неплохо освещено – хотя могло показаться, что ложившиеся на противоположную стену тени давали куда больше злого мрака, чем успевал поглощать очистительный свет.

Оказалось, что руку мою уже сводило от напряжения. Стоило только избавиться от лёгкой, но ответственной ноши, как правое запястье моё свело судорогой, а у локтя образовался ноющий комок боли.

– Юичи, – Акира подседа ко мне ближе, бросая на сестру успокаивающие взгляды. – А сколько времени осталось до рассвета?..

– Не знаю, – отозвался я, машинально посмотрев на левую руку – туда, где обычно располагался циферблат подаренных папой часов. Теперь там была только бледная кожа с едва заметными кровавыми потёртостями. Когда и где мог лопнуть надёжный кожаный ремешок?.. Я даже не представлял. – Меня угораздило потерять и телефон, и наручные часы...

– Почти все вещи остались в машине, – понимающе поддержала девочка. – Наши мобильники тоже. И мамин, наверное... Я не знаю...

Я отрешённо откинулся назад, к одной из колонн. Привалился к ней затылком, чувствуя, как стучит в сосудах на висках кровь... и понял, что не могу выдавить из себя больше ни единой эмоции. Наверное, мне стоило бы расстроиться из-за потери памятного подарка, вспомнить о стоимости пусть не нового, но добротного мобильного телефона, однако... Мне было всё равно.

– В любом случае, – хрипло промолвил я, взглянув на собеседницу искоса. – Мы не сможем ускорить наступление рассвета... И не увидим его отсюда.

– Окон нет, – подсказала Акира, изо всех сил стараясь быть полезной.

– Да, – я кивнул. – Да, точно. Так что... Не знаю... Нам просто нужно продержаться несколько часов. И потом выйти наружу... кому-нибудь одному. Не обязательно всем сразу...

На этот раз моя маленькая спутница смолчала, хотя даже ей было ясно, что на разведку мог пойти только я.

– В общем... Просто побудем здесь немного. Вы... будьте рядом с тётей... С Ямато... Ну вы меня поняли – с Мэй...

– Да, – Акира неуверенно кивнула. – Да, так и сделаем...

Кивком я отправил девочку от себя – она определённо хотела обсудить что-то ещё, поговорить дольше, но я почувствовал себя неимоверно вымотанным и хотел просто посидеть в тишине и мнимом одиночестве.

Сколько ещё мог продержаться небольшой фонарик, работавший целые часы без перерыва?.. И как долго мы могли бы продержаться без его спасительного света? Я изо всех сил оберегал разум от этих мыслей, но они валили с назойливостью мушиного роя – и, подобно саранче, уничтожали поля любых других тем для размышления.

Мы ведь были обречены, да?.. Обречены с самого начала...

Отстранившись от колонны, я вновь обвёл взглядом наше тесное убежище. И вдруг обнаружил перед собой едва заметные детали, которых не замечал прежде: неглубокое рассечение на передней колонне слева – примерно на уровне моего плеча – и выщерблину в полу, словно бы оставленную лезвием недлинного клинка.

Чем это могло быть?.. И... что здесь вообще произошло?

Мысленно усадив себя на место владыки Дома, я прикинул, что нож должен был войти в постамент прямо передо мной, ближе расстояния вытянутой руки, и след, оставленный им на колонне, мог быть...

Голову мою пронзила нежданная боль. Её укол – холодный и злой, точно ледяная иззубренная игла – заставил меня согнуться, точно в припадке дурноты... И всего через мгновение голова моя зависла над пробитым в дереве постамента ровным отверстием...

Оно взирало на меня оком – одним из множества любопытных глаз старинного особняка, и, уподобившись увековеченной в словах философа тьме, как будто бы смотрело на меня тем любопытнее, чем дольше я сверлил его испуганным взглядом.

А потом цветной – пусть и состоящий из мрака и света – мир вокруг меня вдруг резко сошёлся в одной точке – и померк.

...Они презирали меня. Все они. Презирали и ненавидели. Бесплезные, бессмысленные глупцы, возомнившие себя хозяевами моего дома! Ничтожества! У них не было ничего! Ничего, кроме молодости и злобы! Гнусные черви, что называли себя моими детьми и внуками – они ползали вокруг, дожидаясь моей смерти, ползали и плели заговоры, надеясь, что старуха Нагато отправится на покой по первому же зову Смерти. Но нет... Нет! У меня ещё было достаточно сил. Достаточно времени, чтобы оборвать все их планы.

– Юкико, – негромко произнесла я, подзывая служанку. Та оказалась у разделяющей нас занавеси в мгновение ока, словно бы только и ждала звука моего голоса. Проклятая бесхребетная гусыня! – Никчёмный повеса, считающий себя моим сыном... Он уже вернулся?

– Нет, моя госпожа, – девушка виновато поклонилась, хотя в движениях её напряжения было больше, чем истинного почтения.

– Тогда пошли за ним кого-нибудь! Этих бесплезных братьев, Дзиро и... второго... Пусть идут! Немедленно!

Юкико поклонилась вновь, но, вопреки моим ожиданиям, не удалилась прочь – а просто уселась в дальнем от меня углу, у самой тканевой ширмы, с выражением усталого раздражения на лице. Даже эта безмозглая девчонка – пустое место, плевок на дороге! – смела игнорировать мои приказы и просто подпирала собой стену моей священной обители! Так, словно имела на то какое-то право! Проклятая простушка, низкорозжденная дрянь!

Бурля от гнева, я потянулась к своей курительной трубке и с удивлением обнаружила в ней тлеющую порцию табака. Неужели кто-то из этих мерзких щенков посмел притронуться к ней?... Или даже подсыпал мне яд?! От моих глупых, завистливых потомков можно было ожидать чего угодно... Я знала! Знала лучше, чем кто-либо ещё!

Стряхнув неизвестное содержимое трубки в курильницу и заново снарядив её – моим старым пальцам было всё труднее справляться даже с этими простыми командами – я с удовлетворением втянула горьковатый клуб плотного дыма.

– Юкико, – позвала я, надеясь, что служанка услышит сильный звук моего голоса.

– Я здесь, моя госпожа, – та появилась внезапно. Так, словно сидела где-то неподалёку. Хитрая лисица, знала, чем доставить старухе радость.

– Скажи, милая, – при этом обращении Юкико странно вздрогнула. – Мой сын, старший сын – уже вернулся?..

– Нет, владычица. Ещё нет.

– Значит, пора бы отправить за ним кого-нибудь из... Пусть внуки сходят...

– Как пожелае... госпожа...

С этими словами служанка просто отошла от бамбуковой шторы и присела у стены.

– А за сыном моим... Уже отправили?... – не пришлось повысить голос, чтобы докричаться до самовлюблённой выскочки, попирающей полы моей обители. – Братьев!..

– Да, – отозвалась Юкико, даже не встав со своего места. – Уже давно... Моя госпожа...

– Как это так, – внутри меня заклокотало праведное возмущение. – Неужто ты просто пытаешься отмахнуться от меня, вишивая девчонка?... Ты же с места не сдвинулась! Как ты вообще посмела?..

– Моя госпожа, – служанка коснулась лбом пола в глубоком поклоне. – Вы просто... забыли...

– Повтори, – будь в моих пальцах больше силы, я переломила бы мундштук трубки, точно соломинку. – Чтобы я поняла.

– Владычица, вы просите отправить внуков за господином Кайто уже в седьмой раз...
И я...

– Вон! – я не находила себя от ярости. – Пошла вон, неблагодарная шваль! Чтобы ноги твоей не было в этом доме! Убирайся из моей деревни! Пошла прочь!

Эти дрянные людишки! Они плели против меня свои заговоры, выставляли сети... Раз за разом, день за днём – пытались упрекнуть меня в старческом слабоумии! У нас выходила изошрённая, злая игра – но и мне было, чем ответить! И когда-нибудь – рано или поздно – эта партия подойдёт к концу! И победителя определит не коварство, а опыт и мастерство. Качества, которые у меня-то давно уже присутствовали в достатке!

Гневно стряхнув табак в металлическую чашу, я потянулась за новой порцией – но обнаружила в кيسете лишь жалкие остатки.

– Юкико! – я требовательно постучала ладонью по полу перед собой, призывая служанку – и та объявилась незамедлительно. – Принеси мне ещё табака! И скажи, чтобы никчёмного сына – когда он вернётся – отправили сразу ко мне. А ещё лучше... Пусть за ним сходит кто-нибудь.

Девушка с поклоном протянула руки, и я швырнула в подставленные ладони опустевший кисет.

– Только побыстрее! – я прикрикнула на служанку, подчёркивая наше очевидное неравенство, и уже готова была присовокупить к этому что-то ещё – что-то важное – как вдруг голос мой утонул в шуме, доносящемся снаружи и как будто бы только нарастающем.

Это был... грохот шагов, гомон голосов и что-то ещё... Как будто бы какое-то тело волочило по полу.

Сухо пожевав губами, я воззрилась на Юкико, но та лишь растерянно пожала плечами.

– Не знаю, кто посмел опорочить этим грохотом стены моего дома, – слова слетали с языка проще, чем когда-либо. – Но я приказываю вам найти этих гнусных нарушителей спокойствия и публично наказать их! Пусть не смеют в будущем даже смотреть!..

Речь моя оказалась прервана резким скрипом отодвигаемой двери. Грубо толкнув её в сторону до самого упора – и вызвав тем самым ударную волну из грохота и страшных вибраций – неведомый гость принялся вышагивать по моей обители с яростью и целенаправленным упорством настоящего быка. Он был в обуви – подошвы тяжёлых сапог гремели канонадой артиллерийских орудий – и, судя по всему, явился без приглашения. В обход охраны и целого полка служанок.

Да что... Он... О себе... Вообще... ВОЗОМНИЛ?!

Меня трясло. Трясло от бешенства и возмущения. Но переходить в наступление первым глава великого Дома не мог. Не имел права. Это было ниже достоинства моей благородной семьи. И потому, сжав кулаки на коленях, я просто ждала, когда же наглый посетитель осмелится предстать предо мной!

И он пришёл. Прорвался сквозь последнюю ширму, точно выбредший из леса голодный медведь – с той же неудержимостью и манящей, лишающей разума уверенностью.

Это был мужчина. Огромный, широкий в плечах и почти упирающийся макушкой в потолок, он казался каким-то сказочным гигантом, неведомо как забредшим в реальный мир. В МОЙ мир. В ту его часть, что принадлежала мне целиком и полностью!

– Назовись! – прорычала я, позабыв о вежливости, но по-прежнему сохраняя достоинство главы Дома.

– Ёсикадзу Кагами, моя госпожа, – пророкотал вошедший низким, тяжёлым голосом, от которого по телу моему пробежала дрожь сиюминутного страха. И, хотя в тоне мужчины не было слышно особенной угрозы – воспринимать его спокойно у меня не получалось.

– И чего же ты хочешь... Ёсикадзу?.. – слова давались мне непросто – недавнее бешенство ослабло, уступив место тревоге.

– Я хочу... **Я требую справедливости!** – провозгласил исполин, опускаясь на колени и преклоняя голову передо мной. – Моя госпожа! Вы... Ваши люди... отняли у меня их... их обеих... И... Тем самым забрали у меня **всё**, во что я верил... Всё, что у меня было...

Значит, это был он... Несчастный, обративший на себя внимание богов – и поплатившийся за это. Я начинала припоминать его историю.

– Моя жена не выдержала этого, – продолжал мужчина, игнорируя попытки перепуганных служанок оттащить его назад. Громадное тело гостя затмевало собой весь проход, и я могла только гадать – сколько моих прислужников стояло в безмолвии там, за его спиной. – И теперь... Я остался один...

– Так чего же тебе надо? – задала я прямой вопрос, подавшись вперёд. – Компенсации? Денег? Освобождения от обязанностей?..

Его статус – статус священной жертвы – уже не позволял мне повышать голос.

– Я повторю, – мужчина поклонился до самого пола. – Нам, жителям деревни, нужна лишь справедливость... Я не одинок в своём горе, и всё, чего мы хотим...

– Нет, – оборвала я посетителя, ощутив, как пробегает вдоль позвоночника волна кошмарного жжения. – Нет, это исключено.

– Люди начнут роптать, моя госпожа...

– Ты вломился в мой дом, чтобы потребовать **такое**?! – я приподнялась на своём месте и в приступе дикой ярости принялась шарить ладонью слева от себя в поисках верного кинжала. – Да как ты посмел?! Как все вы?.. Нет, нет, я не стану больше этого терпеть...

– Моя госпожа, – спокойно промолвил мужчина, поднимая голову. – Того требует традиция...

– Вы не получите их! – с визгом, недостойным владычицы правящего Дома, я схватилась за богато украшенные ножны фамильного кинжала и одним движением обнажила тускло сверкающее лезвие.

К несчастью, моё тело уже отвыкло от подобной активности, и на секунду потеряв равновесие, я случайно полоснула кинжалом по колонне перед собой... слегка завалилась вперёд... Но тут же восстановила равновесие. Достаточно скоро, чтобы недостойный посетитель не смог углядеть этой слабости.

– Будьте благоразумны, прошу вас, – пробасил гость, похожее, теряя терпение.

– Пошёл прочь! – сорвавшись в яростное безумие, я с силой вонзила клинок в постамент перед собой – и один только звук удара стали о дерево заставил утихнуть все звуки на всей протяжённости комнаты. – Никто – ни одна живая душа! – не посмеет требовать у меня того, что потребовали вы! Никто! Никогда! Я не отдам! Не отдам ни при каких обстоятельствах, даже если это будет стоить мне жизни! Таково моё слово! Слово главы этого Дома! И до тех пор, пока это здание возвышается над вашими домами – никто не посмеет пойти против моего решения! Вы слишком многим обязаны мне, чтобы выдвигать свои ничтожные ультиматумы! И будто бы одного этого мало... Вы решились требовать от меня соблюдения традиций, которым Дом Нагато некогда и дал жизнь?.. Немыслимо! Просто невысказанно! И не поддаётся обсуждению! Боги не будут держать зла против нас! Мы слишком многое дали им! Слишком многое!..

Оборвав меня посреди пламенной речи, мужчина вырвавшейся из земли скалой поднялся на ноги и бросил мне в лицо единственную фразу:

– Даже если боги спустят вам это с рук... То люди – вряд ли.

С этими словами исполин спокойно развернулся и пошёл прочь, громыхая своими сапожниками по полу, ощущавшему поступь величайших людей моего Дома – знатных предков,

существование которых было избавлено от столь бесцеремонных вторжений и абсурдных требований.

Современное общество сходило с ума от собственной вседозволенности! Оно разлагало самое себя, упиваясь кошмарной наглостью, завистью, злым самолюбием... До сего дня я и представить себе не могла, что стану свидетелем такой вот сцены – и осмелела бы всякого, кто рискнул бы описать мне её заранее.

– Выведите его! – крикнула я вдогонку удаляющемуся титану, понимая, что никто из моих бездарных слуг не сможет совладать с существом таких размеров и мощи. – Проводите прочь! Пусть уйдёт и никогда не возвращается! И... уберите тут всё! Чтобы на полу не осталось даже малейших следов присутствия этого варвара!

Обессилив от стресса и непривычной активности, я осела на подушках своего прямоугольного «трона» и сквозь полуприкрытые веки посмотрела на своё отражение в холодной стали кинжала.

Они посмели угрожать **мне!**.. Эти ничтожные людишки взяли на себя смелость отправить **сюда** – в святыню святых моего Дома – посланника с дурными, невыполнимыми условиями только потому, что я когда-то забрала их никчёмных детей?.. Да кого вообще могла волновать судьба этих безродных насекомых?! Кому в голову могло прийти хотя бы сравнивать их жалкие жизни с величием и важностью высокой миссии Дома Нагато?!

Нет. Любой здравомыслящий человек должен был понимать разницу. И нам... **Мне** ничего не могло грозить!.. Ничего! Даже сами боги должны были уважать **моё** решение, ведь именно **мне** принадлежали облюбованные ими земли!

В конечном итоге... именно от меня зависело всё и вся в этом мире. Только от меня...

Я чувствовал небывалую тяжесть во всём теле. Чернота, давящая со всех сторон, лишала меня воли и тянула куда-то вниз, к самому дну холодного омута бессознательности – туда, где сходились потоки самых постыдных и низменных чувств, в дебри бессилия, беспомощности и страха. Я был инертен. Я был беспомощен перед этой мощью. Блеклого, истаивающего сознания хватало лишь на то, чтобы смотреть вверх – в далёкий каскад бесцветных пятен, обозначающих, наверное, водную гладь этой коварной топи. Я мог только смотреть туда – и вслушиваться в приглушённые толщей воды отзвуки какого-то знакомого голоса.

– ...ичи!.. – это был первый и единственный понятный слог из тех, что спускались ко мне свысока, но я не понимал его – не мог понять или не хотел... И предпочёл просто погружаться ещё дальше, во мрак и страшную тишину.

Здесь уже не было и следа осторожных подводных течений – только бездвижная тяжесть и вечная, безвременная стагнация. Эти тёмные воды... Они манили меня. Тянули в свои объятия, обещая покой и свободу от всех тревог...

– Юи...! – вновь донеслось из пустоты над моей головой. Странно, но чем глубже я уходил – тем громче, казалось, звучали эти слова. Тем больше агрессии было в них, и тем сильнее содрогался мой мир при каждом их появлении.

Беззвучная, бесстрастная глубина сулила мне абсолютное счастье... И то самое умиротворяющее тепло смерти, что следовало за самым страшным обморожением.

– Юичи! – голос тёти Мэй загремел у самого моего уха, и тут же вслед за ним раздался звонкий шлепок оплеухи.

Мой дурной сон, моё видение подёрнулось белесой дымкой... И та поверхность омута, что ещё недавно казалась недостижимо далёкой – вдруг прыгнула в мою сторону с яростью дикого зверя.

Поддавшись сиюминутному порыву, я потянулся к этой спасительной грани, и уже почти достал её самыми кончиками пальцев, когда...

Чьи-то ледяные пальцы сошлись на моей щиколотке, резко дёрнув вниз, и почти тут же от места этого касания начали растекаться по моей ноге ноющие ниточки колючего холода. И само содержимое омота – его тяжёлые, недвижимые воды – начало поглощать меня, тянуть в пустоту без времени и чувств... В самый низ. В самый, самый низ этой бездонной водяной могилы.

Из последних сил я опустил голову, чтобы посмотреть вниз – на того, кто тянул меня к верной смерти – но тут громopodobный шлепок пощёчины раздался вновь, и весь мир перед моими глазами, искусственный, вымышленный мир сновидения треснул от края до края, точно лист измятой бумаги, и разлетелся на тысячи крохотных частей.

Издав гортанный вопль, я распахнул глаза и задёргался на месте, до сих пор ощущая на своей ноге касания неведомого существа. Впрочем, одним этим мои ощущения не ограничивались: вернувшись в тесную каморку главы Дома Нагато, я словно бы свалился туда из перевернутой вверх ногами проруби – и глотал воздух с тщанием настоящего утопленника, при этом, не стесняясь бешеной дрожи во всём теле.

Но... Как же так вышло?.. Что вообще могло произойти?.. И почему же?..

– Юичи! – тётя Мэй придвинулась ближе – так, словно моё пробуждение её злило куда сильнее, чем радовало. Значит, в действительности её беспокоило что-то другое?.. Не моё болезненное забытие? – Ты вообще в своём уме?!

– Что?.. – я невольно отпрянул назад, но только с грохотом ударился о заднюю стену палат. – Что... случилось?..

Взгляд мой метался по тёмному помещению – в нём как будто бы ничего не изменилось, разве что свет фонаря стал намного тусклее, и в нём уже нельзя было различить каких-либо точных деталей.

– Как ты мог?! – в голосе женщины послышался страшный, серьёзный надрыв. Та явно находилась в шаге от настоящей истерики, и держалась из последних сил за те крупницы здравого мышления, на которых сейчас и был выстроен наш скомканный диалог.

– Я не... не понимаю!

– Разумеется! – подавшись вперёд, вдова грубо схватила меня за ворот куртки и приблизила своё лицо к моему так близко, как только могла. Взгляд её угольков-глаз вонзился в мой череп сквозь точки зрачков и, кажется, мог запросто пронзить его насквозь. – Конечно же, ты ничего не понимаешь! Ты ведь просто завалился спать, как ни в чём не бывало! Посреди этого безумного дома! И теперь...

Женщина задохнулась от бешенства и горечи. Её губы задвигались в беззвучном мучении, а из гневно сощуренных глаз побежали крохотные капельки слёз.

– Теперь... – горячее дыхание Ямато Мэй опаляло. – Теперь кто-то забрал у меня дочь... Из-за тебя! Слышишь?!

Испытав удар, равный по силе новости о возможном разводе родителей, я беспомощно открыл рот, надеясь оправдать себя хоть чем-нибудь, но, повторяя про себя последние слова вдовы, не смог вымолвить ни слова. И потому просто скривился, не понимая, как бороться с пустотой, вдруг застывшей весь центр груди.

– Нет... – я мотнул головой, собравшись с силами. – Нет, этого не может... не может быть!..

Без слов оттолкнувшись от меня, Ямато-старшая встала во весь рост и принялась быстро оглядываться по сторонам. Теперь, когда я был разбужен, у женщины не оставалось ни единой причины, чтобы терять время и дальше – но она отчего-то не решалась просто помчаться прочь. Её снедали сомнения, которым я пока не мог дать никакого объяснения... Ведь... если некто... похитил одну из её любимых дочерей... Разве не следовало ей, матери, рвануться вслед за преступником?.. Пусть даже оставив меня тут одного?..

С трудом воспринимая действительность после грубой побудки, я огляделся вновь. На этот раз – со всем доступным вниманием. И с полувзгляда осознал, что случилось на самом деле. И почему тётя Мэй была так зла на меня...

Отключившись посреди ночи, я забыл погасить фонарь – и теперь тот не просто светил слабее, он готов был погаснуть в любую минуту. Заряда батареек хватало на последние минуты, и, решишь женщина хотя бы слегка встряхнуть его – наш единственный огонёк мог бы погаснуть окончательно.

Издав протяжный стон, я посмотрел на бледную девочку, что сидела поодаль, у самой разделяющей ширмы, и неожиданно для самого себя уцепился за новую версию произошедшего:

– Подождите! – я шумно сглотнул, чувствуя, как крепнет подступающий к горлу ком. – Это ведь Акеми, так?.. Значит, тут нет Акиры! А она могла запросто отправиться в патруль или просто... пойти проверить, какое время суток на дворе!..

Ямато-старшая выслушала мою тираду с поистине львиной выдержкой. Только скрестила руки на груди, чтобы те не содрогались сами по себе – и чуть закусила губу, словно бы заранее представляя себе всё, что я только могу произнести. И заочно презирая меня за это.

– Нет, – ответ женщины был резок, как удар палаческого топора. – Если бы всё было так просто – мы уже давно отправились бы на поиски Акиры, не заботясь о твоём пробуждении. Но тут... Тут несколько другие... обстоятельства.

Мэй зажмурилась, прогоняя накатывающую горечь, и принялась неровно втягивать воздух носом.

– Акеми... – последующие слова давались женщине всё труднее. – Акеми сказала, что... ночью... когда ты спал, а я... находилась в беспамятстве... сюда пришли какие-то люди. Люди в белом. Белые... люди... как сказала она... Белые... Они... Именно эти... Забрали мою Акиру...

Люди в белом?.. Проклятье!.. Как же глупо было предполагать, что это место действительно безопасно, что последние жильцы уехали или умерли давным-давно, и... та еда, что покоилась на столах... была просто... ниспослана свыше?..

Но как же так?! Почему Акеми молча смотрела на то, как её сестру уводят прочь?! Почему не подняла шум, не попробовала докричаться до матери или до меня?..

Не находя себя от негодования, я посмотрел было в сторону девочки – но тут же с ненавистью к самому себе отвёл растерянный взгляд. Из всех людей, слабовольных и трусливых, Акеми сейчас меньше всего заслуживала моего гнева: перепуганная, слабая, замкнутая в своей крохотной скорлупке, эта кроха сейчас судила себя куда строже, чем могла быть судима окружающими, и, наверное, пыталась как-то ужиться с психологической травмой колоссальной мощи, которую я, привычный к покою подросток, не мог себе даже представить.

Акеми была... разбита. Её как будто бы не существовало – осталась только пустая оболочка – и Ямато-старшая не решалась давить на дочь ещё сильнее. И потому им обоим – сознательно и нет – понадобился я.

– Сколько их было?.. – поинтересовался я, давясь собственным ужасом. – Этих... людей...

– Двое, – Мэй растерянно покачала головой, похоже, до последнего отказываясь верить в случившееся. – Мужчины... В «больших костюмах»... или... широких одеждах. Наверное. Я так понимаю, в чём-то традиционном...

– Но как?!

– Они просто пришли и забрали её... – тётини кулачки бессознательно сжались до хруста в костяшках. – Просто пришли... и забрали! Без драки. Без шума. Она пошла с ними по доброй воле...

– Гипноз?.. – предположил я наобум.

– Да! – мать близнецов ухватилась за эту идею, как за спасательный круг. – Акира – умная девочка... Я учила её... Она бы никогда не стала разговаривать с незнакомцами! Если только...

Растерянность Мэй вдруг сменилась ненавистью. Всего на секунду, на кратчайший миг – но я испытал на себе всю силу, всю неудержимую мощь отторжения женщины.

– Это ты!.. – Ямато-старшая, отвернувшись, закрыла лицо руками. – Это всё твоя вина... Пока ты не появился, она не... Она была послушной, хорошей девочкой... Но потом... Этот непонятный интерес... попытка подружиться... Я знала, что всё это – к худшему... И... надо было отказаться... Мне следовало послать к чёрту твоих родителей с этой их проблемой... И... всё было бы... иначе...

– Мама, – негромкий оклик Акеми заставил женщину замолчать на полуслове и напрячься, подобно струне от пианино. – Не надо!..

– Не может быть, – невидящий взор Мэй уткнулся в мою переносицу, после чего перекочевал на личико младшей из близнецов. – Неужели и ты... Ты тоже решила быть на стороне... этого никчёмного мальчишки?..

«Никчёмный повеса, считающий себя моим сыном... Он уже вернулся?», – болезненное воспоминание прошло мой разум сверкающей вспышкой, моментально растворившись, но всё же оставив после себя россыпь ярких болезненных пятен по всей голове.

– Не надо... драться! – истерично закричала Акеми, прячась от матери за краешком тяжёлой ширмы. – Если мы поссоримся... Если все... подерёмся... То как же... сестру вернуть?!

Ямато Мэй твёрдо шагнула к дочери, намереваясь, похоже, устроить той доходчивый урок – но вовремя одумалась. И вместо очередной уничижающей речи выдала только серию задумчивых вздохов. Она уже приходила в себя, оправлялась от горя, и от ненависти, и постепенно поднималась из болота непрерывной истерики. В голове её, похоже, закрутились нужные шестерни: бесконтрольная дрожь в конечностях женщины начала отступать.

– Идти можешь? – Мэй адресовала дочери прямой вопрос. Слишком прямой и грубый для сложившейся ситуации, но девочка напросилась на него сама, продемонстрировав завидное здравомыслие.

Акеми, не поднимая взгляда, несколько раз коротко кивнула. В этих её кивках не было ни силы, ни особой уверенности – однако Ямато-старшая таким ответом удовлетворилась в полной мере. Повернувшись ко мне, она сдержанно хмыкнула и сухо констатировала:

– В любом другом случае, Юичи, я не стала бы на тебя полагаться. Но у нас безвыходная ситуация: я и так потратила слишком много времени, пытаюсь тебя добудиться, а обстоятельства промедления не терпят! Если я буду искать одна, то потрачу не меньше дня, чтобы обыскать один только этот дом – а под боком у нас ещё целая деревня. И потому... Слушай, не смотри на меня так! Даже не думай остаться в стороне! Попробуй сделать хоть что-нибудь! Если не для меня, то...

– Я сделаю! – мне пришлось перейти на крик, чтобы остановить машину ярости Мэй. – Сделаю всё, что от меня требуется! Только быстрее изложи свой план – время уходит!

Стоило мне гаркнуть в лицо тётке последнее слово, как сердце моё тут же оледенело от ужаса перед той ответственностью, которую я сам был готов на себя взвалить.

– Хорошо, – тётя сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. – Ты прав. Нужно спешить... Значит, поступим так... Мы с Акеми попробуем осмотреть тут всё... Комнаты... И... здание. А ты... п-пожалуйста... – губы Ямато-старшей некрасиво дёрнулись. – Прошу тебя, Юичи, спустись в деревню. Попробуй найти там если не Акиру, то хотя бы батареек для фонаря или ещё какой источник света... хоть что-нибудь.

– Спуститься... туда?... – слабо переспросил я, вжимаясь в деревянную стену. – Но...

– Судя по всему, солнце уже взошло... Тебе не составит труда пробежать посёлок вдоль и поперёк! Просто... будь осторожен... Мы не знаем, сколько там этих... людей... И как они

оснащены. Если найдёшь, где держат Акиру – просто найди меня и скажи... Тогда... Тогда мы вместе что-нибудь придумаем. Понял?

Я попробовал кивнуть.

– Юичи, ты понял?! – Мэй с трудом удержалась от того, чтобы толкнуть меня в плечо.

Ею вновь овладевала истерика.

– Да! Да, я понял! Понял!

– Хорошо. Замечательно... Тогда расходимся. И... Юичи... – женщина подняла на меня донельзя злобещий взгляд. – Не вздумай просто убежать отсюда... Просто... не вздумай!

Я едва не задохнулся от обиды и возмущения. Оскорбления и колкости собрались на моём языке в количестве достаточном, чтобы поставить тётю на место до конца наших дней, но присутствие Акеми – и только оно – заставило меня стерпеть оскорбление.

– Не бойтесь, – процедил я, глядя на женщину исподлобья. – Не сбегу. Не без Акиры!

Вслух это прозвучало куда хуже, чем мне представлялось... Вот только Мэй сделала вид, что я не проронил ни слова вовсе – и просто отвернулась. Так, словно меня и не было рядом.

Вонзив ногти в мякоть ладоней, чтобы сдержать гнев, я небрежно обошёл тётю слева – искушение толкнуть её плечом было слишком велико, однако вопросительный взгляд Акеми заставил меня вспомнить о приличиях. Едва задев локоток Ямато-старшей, я по чистому наитию, ежесекундно рискуя запутаться в старых ширмах, двинулся к выходу из помещения.

И только теперь, с огромным, колоссальным запозданием – мой разум всё-таки начал освобождаться от подобия дремотной пелены. Как оказалось, последние минуты я провёл в подобии полусна – в жидкой, неуверенной иллюзии жизни, которая, казалось, закрутила меня в потоке театрального действия, чтобы теперь выбросить в холод и мрак жестокой реальности.

Я осознал всю безвыходность сложившегося положения. Всю его обречённость и странную пустоту. Ведь... Нас тут было трое – нет, даже двое... Двое против неизвестного противника, который знал эти места назубок и, вероятно, мог прятаться за каждым углом, выглядывать сквозь щели дверных проёмов и продолжать своё безмолвное наблюдение...

Быть может, Акира была уже потеряна для нас. То есть – насовсем...

От мыслей этих на душе становилось совсем скверно.

Продравшись сквозь последнюю пелену ткани – брезгливость отступила, и я просто сорвал её походя, обрушив за собой всю хлипкую конструкцию – я быстро вышел в коридор... и замер.

Тётя была права: солнце уже взошло над потерянной во времени деревней. Вот только легче от этого как будто бы не стало. Второй этаж особняка – тот, каким я запомнил его в ослабевающем свете фонаря – перестал существовать. Он оставил себе только общие очертания и главные направления, в остальном изменившись до неузнаваемости: пол под моими ногами не просто скрипел – он буквально проминался книзу, грозясь обвалиться в любое мгновение, а стены, казалось, выдержали настоящий артобстрел, так много в них было щелей и тёмных провалов. От грандиозного великолепия минувшей ночи не осталось и следа – образчик традиционного зодчества за считанные часы обратился в обычные развалины, готовые осесть под собственным весом.

– Ну что ты встал!?! – грозно поинтересовалась Мэй, подходя ближе. Рука её уже легла на моё плечо, но грубого толчка не последовало. Скорее даже наоборот: вдова едва заметно подтянула меня назад, наверное, почувствовав, как сильно гуляет пол под моими ногами при каждом её движении.

– Такого не было ночью, – произнёс я, растерянно оглядываясь по сторонам. – Я уверен, что...

– Уверен?.. – произнесла вдова угрожающим шёпотом. – В чём ты вообще можешь быть уверен?! Моя дочь пропала, а ты себе позволяешь... Нет. Стоп! Хватит. Просто расходимся.

Главное, смотри под ноги – ночью мы могли не замечать этого, но тут всё уже готово развалиться...

Я легонько кивнул в ответ и выскользнул в коридор. День только начался, а с меня уже было достаточно тётиных выходов... И – да, её можно было понять, но я уж точно заслуживал много – совершенно много! – обращения.

Внутренности особняка – я действительно начинал воспринимать его как остов какого-то исполинского создания, умершего с десятков лет назад – постепенно наполнялись утренним светом. Только этого слабого подспорья было недостаточно для того, чтобы разогнать вездесущий полумрак. Бледное сияние лилось, в основном, со стороны обращённых во внутренний двор балконов: изорванные бумажные окна почти не задерживали его и выглядели оттого ещё более жалко в своих покосившихся обветшалых рамах. Только помимо этого источника света существовал ещё и другой, совершенно для меня неожиданный. Каким-то невероятным образом солнечные лучи проникали под крышу старого здания и растекались по коридорам сквозь едва заметные слуховые окна у самого потолка – и многие из них, в чём я мог быть уверен, должны были упираться в глухие стены или выходить к соседним комнатам. Складывалось впечатление, что я до сих пор находился во сне – там, где невозможное кажется реальным, и у несущих конструкций просто не может быть толщины или физического расположения.

Подобравшись к ближайшей стене, я попробовал было подтянуться к испускающему слабые серебристые нити окошку, но сквозь прикрывающие его тоненькие деревянные рейки нельзя было различить ничего конкретного, а подтянуться выше я не мог физически: в коридоре просто не за что было уцепиться, чтобы приподнять себя над уровнем пола. И природа слухового окошка по-прежнему оставалась для меня непостижимой: возможно, за ним крылась хитроумная система зеркал, а может – сеть тайных лазов на улицу.

Оторвавшись от стены, я обернулся на удаляющийся звук шагов – Мэй только сейчас миновала перекрёсток и, похоже, проигнорировав мои изыскания, спешно устремила в направлении, противоположном коридору с приютившей нас залой.

Я уже собирался отвернуться и пойти дальше по назначенным делам, но не смог. И более того: моё тело, до сей поры послушно исполнявшее все приказы, вдруг восстало против разума и само собой двинулось назад, к точке схождения четырёх деревянных путей.

Я, наконец, проснулся. То есть – окончательно отделался от навязчивой, рассеивавшейся всё это время полудрёмы. Всплеск адреналина, конечно, позволил мне проявить неожиданную для общей ситуации активность, но лишь теперь, оказавшись в полном одиночестве посреди огромного мёртвого дома – я очнулся окончательно и понял, на что вообще себя обрёл.

Отправить меня в заброшенную деревню?! В полном одиночестве?! Как ей вообще могло прийти это в голову?..

Тётя как будто бы хотела избавиться и от меня – позволить загадочным хозяевам этого места спокойно заполучить и вторую жертву... Это ведь... было так глупо! Любой фильм ужасов, любое произведение на схожую тему начиналось именно с разделения героев!

Кровь прилила к моему лицу, принялась активно пульсировать в висках... А ноги... Ноги всё уверенней несли всё остальное тело в сторону перекрёстка. Ещё немного, и я мог бы повернуть налево, последовать за Мэй и её второй дочерью – которая, к слову, по-прежнему была невредима и, наверное, тоже заслуживала спасения. Как и все мы! Разве её жизнь... разве... *моя жизнь...* была равноценна жизни Акиры?.. Которая, быть может, уже была потеряна безвозвратно?!

Или же за всем этим стоял какой-то нелепый размен?.. И тётя хотела принести меня в жертву, надеясь, что сможет получить вторую дочь живой и невредимой?..

Или... быть может...

Шаг мой начал замедляться.

Быть может, изнурённая женщина просто молила меня о помощи из последних сил, надеясь, что единственный из тех, кто мог ей помочь – не струсит и не отступит в трудную, труднейшую для всех нас минуту?.. Я... Я не мог сказать. Слишком тяжёл был выбор, и слишком высоки – ставки. А мне и так-то было страшно... Очень страшно.

Погрузившись в состояние рассеянной прострации, я всё-таки вышел в самый центр рокового перекрёстка и неожиданно для самого себя замер на месте. Пол неприятно захрустел под моими стопами, застонал, пропитанный влагой минувшего дождя и тронутый естественным разложением. А я... я просто стоял и прислушивался к себе, понимая, что мне попросту не с чем вернуться к Мэй. Я ведь не мог догнать её на полной скорости и признаться в собственной неспособности предпринять хоть что-нибудь – наверное, этого она от меня и ждала – равно как не мог и свести всё к игре случая. Мы ведь не могли нечаянно столкнуться вновь, чтобы пойти дальше. Это не устроило бы её. И... меня, наверное, тоже. А значит, у меня оставалось всего два очевидных варианта: спуститься-таки к подножию холма, или найти для себя самую укромную и тёмную каморку, где меня не смогли бы найти ни местные обитатели, ни тётя Мэй с Акеми.

С другой стороны, я ведь мог просто уйти. Сбежать из проклятого места, оставив позади всю эту странную семейку. И никто ничего не сказал бы. Потому что некому было бы комментировать – скорее всего, тётя готова была сгинуть здесь в поисках дочери и утащить за собой в могилу несчастную Акеми... И... мог ли я бросить их на произвол судьбы? После тех громких слов, что выкрикнул вдове в лицо?..

Я... Мне нечего было сказать. Не в чем признаться. Даже самому себе.

Бросив в сторону дальнего поворота последний безрадостный взгляд, я перенёс вес туловища на левую ногу и обречённо побрёл прочь – по склепу из дерева и бумаги, только и ждущему, когда мы все сдадимся и станем его полноправными жертвами.

Как же много повидали эти стены?.. Свидетелем каких ужасов они могли быть, раз пропитались этой злонравной ненавистью ко всему существу? Я буквально чувствовал давление, исходящее из каждой щели меж досок, и чем шире становились мои шаги, чем увереннее я заставлял себя идти – тем серьёзнее казалась исходящая отовсюду угроза.

Обособник словно бы сжимался вокруг меня, надвигался со всех сторон лапами игривого кота, который, став жертвой кровавого азарта, просто не мог справиться с собственным злым любопытством.

В ушах моих зазвенело, и недавнее отрешённое спокойствие вдруг растворилось без следа. Я почти физически ощутил на своей спине чей-то ненавидящий, обжигающий злобой взгляд. Он не блуждал по моему телу в любопытстве, не выискивал уязвимости или следы оружия – просто сверлил со спины левую сторону моей груди, словно бы примеряясь к единственному точному рывку.

В полуразваленных балконных ставнях загудел сильный ветер. И на крыльях его, словно отзвуки далёкого прошлого, прилетели едва различимые звуки жизни – далёкий перезвон кузнечного молота, разговоры старушек, бродящих близ особняка, и рыбацкие песни, возносящиеся далеко вверх по течению.

И почти сразу же я услышал совершенно иной тип звука – реальный, существующий в непостижимой близости от меня скрип половиц под чьими-то стопами. Короткие, лёгкие шажки приближались откуда-то справа – из-за угла, выходящего к главной лестнице. И, стоило только в воздухе зазвучать этому скрипу, как немыслимый ужас, надвигающийся на меня сзади, вдруг начал отступать. Его одновременно обжигающее и леденящее присутствие, что заставило мой хребет обратиться в недвижимый столп и высушило всю влагу во рту, вдруг стало едва различимым, и лишь удаляющееся посвистывание – звук сиплого дыхания – ещё заставляло меня двигаться вперёд по бесконтрольной инерции.

Сосредоточившись на отступающем кошмаре, я совсем позабыл о том звуке, что ждал меня впереди, и на полной скорости достиг поворота. Выждал мгновение, собираясь с силами, и резко заглянул за угол! Но, к собственному удивлению, не обнаружил там ничего, кроме разочаровывающей пустоты. Единственным, что выбивалось из естественного порядка вещей, был лёгкий звук шагов, сопровождаемый скрипом древесины, однако, стоило мне только показаться из-за угла, как он мгновенно, моментально, в ту же секунду – пресёкся, точно его и не было.

Но я уже не мог остановиться. Не мог просто собраться с силами и прислушаться к себе – слишком велик был стресс и слишком сильна память о том наступающем, идущим по пятам загробном холоде, который, наверное, просто не мог померещиться никакому нормальному человеку – и тем более мне, уравновешенному, серьёзному ученику старшей школы...

И это... Я готов был поклясться, что всё это было всерьёз. И оттого бросился к спасительной лестнице с удвоенной скоростью, оставляя позади весь этот напоенный кошмаром этаж и лелея в груди слабый отблеск надежды на то, что Мэй не столкнётся с подобным проявлением воли старого здания. Мне ведь оставалось только верить в лучшее – а возвращаться туда я не собирался ни при каких условиях.

Не оглядываясь назад и стараясь даже не думать о произошедшем – как если бы одно только это могло привести к повторению тех страшных мгновений – я в спешке бросился к лестнице и, перепрыгивая через ступени, спустился на первый этаж.

Входной зал встретил меня знакомой уже прохладой и одиночеством, от которого сердце замирало в груди. Я узнавал самые крохотные детали, за которые ночью то и дело цеплялся луч фонаря, и, как оказалось, без труда смог бы описать образ этого помещения по памяти. Впрочем, к известным картинам начали добавляться новые детали: бросая быстрые взгляды по сторонам, я обнаружил на полу вокруг себя целую россыпь непонятных, уже почти обесцветившихся пятен. Они, ранее казавшиеся мне выцветшими прогалинами, на самом деле представляли собой следы какой-то жидкости, упрямо не желавшей сходить окончательно даже после стольких лет сырости и запустения.

И... Мне даже не требовалось задавать вопрос самому себе, чтобы понять – чем именно были залиты эти полы. И отчего тут, на первом этаже, было так много следов разрушения...

Кто-то когда-то – давным-давно – ворвался в этот дом с самыми дурными намерениями... И, наверное, встретил тут яростный отпор защитников благородного семейства.

Ну почему, почему нас занесло именно сюда?..

Я зажмурился, прогоняя очередной приступ паники, но тут же ощутил – как страшно было просто находиться в этом старом доме с закрытыми глазами, зная, что с лестницы на второй этаж может вот-вот повеять замогильным морозом, а за лужами иссохшей крови стояла история куда более мрачная, чем я даже мог себе представить!

Нет, находиться здесь было нельзя... Это проклятое место только и грезило о новой жертве!

В несколько прыжков преодолев отделявшее меня от завала расстояние, я юркнул под обломки и вынырнул уже снаружи, со стороны бетонного двора, обращённого к раскинувшейся у подножия холма деревушке.

Нельзя сказать, чтобы мы прошли ночью значительную её часть – всего несколько витков дороги от каменистого берега – и это, надо сказать, меня не на шутку озадачило: деревня отсюда казалась слишком маленькой, даже при всех этих россыпях домиков, при дорогах и проулках, и всем своим видом она показывала, что должна была быть крупнее, сильнее, больше. Кроме того, в глаза мне не бросилось ни одного деревянного причала или пирса, и вместе с этим у воды не было видно следов рыбацких построек. Потоки бурной реки, хорошо раздавшейся вширь после дождя, лизали только серию непонятных развалин из дерева и камня, больше похожих на жилые дома, чем на хозяйственные постройки. Из их серой массы выби-

вался только внушительный чёрно-серый горн, наполовину смятый камнями обвалившихся стен и явно принадлежавший местной кузне.

Река ведь не могла разлиться *так* широко?.. И подмять под себя не просто береговую инфраструктуру – но добрую половину деревни вместе с полями, дворами и дорогами... Да, в это трудно было поверить, однако с моей обзорной площадки, с вершины высокого холма свободно движущаяся водяная лента уже не казалась той мелкой горной речушкой, какой предстала в моём воображении ночью – о нет. Она была огромна. Широка, точно несколько футбольных полей, выставленных в ряд, и безмерно сердита. Зажатая меж туш великих гор, бережно прикрытая ими сверху, эта река определённо была достаточно сильной ещё в те времена, когда в этой деревне существовало собственное судоходство. А с тех пор стала лишь наглее.

И где-то там, внизу, под боком у этого природного чудовища могла сейчас находиться маленькая, испуганная девочка, оторванная от сестры и матери... Акира.

С хладнокровием вычислительной машины я оценил обстановку в деревне и скорым шагом направился вниз по блестящему от влаги серпантину. Солнце почти не грело, и последствия ночного ливня по-прежнему полноправно владели всем этим крохотным миром: на листьях сорной травы сверкали россыпи прозрачных капель, а с многочисленных крыш – покосившихся и сохраняющих свой первозданный вид – непрерывно струилась чистая дождевая вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.